

А

АЛГОРИТМ

Тимоти Кинг

Алгоритм

Тимоти Кинг

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Побег в никуда

Глава 2. Тепло чужой кабины

Глава 3. Клеймо

Глава 4. Громкое зло и тихое добро

Глава 5. Искусство мимикрии

Глава 6. Сигнал из прошлого

Глава 7. Раскопанная память

Глава 8. Алгоритм уничтожения

Глава 9. Коридор

Глава 10. Эффект бабочки

Пролог

Холодный линолеум обжигал босые ступни. Девочка вжалась в глубокую нишу между кабинетом директора интерната и лестничным пролетом, стараясь дышать так тихо, чтобы звук не вырвался за пределы ее собственной грудной клетки.

Часы в коридоре показывали половину третьего ночи. Время, когда даже самые беспокойные младшеклассники проваливались в тяжелый сон.

Скрипнула тяжелая дверь кабинета Зинаиды Павловны. Полоска желтого света разрезала полумрак коридора, выхватив из темноты кусок облупившейся зеленой краски на стене. Аня замерла, сливаясь с тенью.

— Документы готовы, — голос директора звучал непривычно подобострастно, без обычных визгливых ноток, которыми она отчитывала воспитанников. — Как вы и просили, никаких родственников. Чистый лист.

— Отлично. Машина ждет у заднего двора, — ответил мужской голос. Сухой, ровный, лишенный каких-либо эмоций. Так говорят люди, привыкшие отдавать приказы и не терпящие возражений.

Аня осторожно выглянула из своего укрытия. Мужчина стоял спиной к ней. На нем был дорогой, идеально сидящий темный костюм — немыслимая редкость для их захолустного учреждения. Зинаида Павловна суежилась рядом, протягивая ему тонкую картонную папку.

Из глубины коридора показалась ночная нянечка. Она вела за руку семилетнего Дениса из третьей группы. Мальчик спал на ходу, спотыкаясь в огромных не по размеру тапочках. В свободной руке он судорожно сжимал потертого плюшевого медведя без одного глаза.

— Куда мы? — сонно пробормотал Денис, когда нянечка подтолкнула его к мужчине в костюме.

— В хорошее место, Дениска. На лечение, — быстро проговорила директор, отводя взгляд. — Дядя тебя отвезет.

Мужчина не сказал ни слова. Он просто взял мальчика за плечо — жестко, по-деловому, как берут чемодан с ленты багажа — и повел к черному ходу. Дверь тихо лязгнула, отрезая их от коридора. Зинаида Павловна тяжело выдохнула, перекрестилась и пошла обратно в кабинет.

Аня стояла в темноте, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. «На лечение». Эту фразу она слышала уже в четвертый раз за последние полгода. Сначала был Сережа из старшей группы. Потом две сестры-погодки, Света и Марина. Теперь Денис. Никто из них не болел. И никто из них не вернулся.

Она на цыпочках бросилась обратно в свою спальню, скользя по линолеуму. Нырнула под жесткое, колючее одеяло прямо в одежде. Сердце колотилось где-то в горле.

Дрожащими пальцами Аня нащупала под матрасом свой тайник. Тонкая тетрадь в клеточку и огрызок простого карандаша. Она натянула одеяло с головой, включила крошечный фонарик-брелок, который чудом удалось спрятать при поступлении, и открыла тетрадь.

Страницы были заполнены не только текстом. Аня училась в художественной школе, и ее память работала образами. На разворотах теснились наброски: профиль Зинаиды Павловны с ее поджатыми губами, фасад интерната с решетками на окнах первого этажа. И лица детей.

Она перевернула страницу и быстро, резкими штрихами набросала фигуру мужчины в костюме. Лица она не видела, но передала позу — властную, холодную, хозяйскую. Рядом вывела аккуратными печатными буквами:

«Денис. 7 лет. 3 группа. Увели 14 ноября, в 02:30 ночи. Мужчина в костюме. Сказали — на лечение».

Аня закрыла тетрадь и прижала ее к груди. В интернате она была изгоем. «Сектантка» — так ее называли воспитатели, не стесняясь присутствия других детей. Это клеймо прилипло к ней в тот самый день, когда люди в масках выломали дверь их квартиры.

Она до сих пор помнила звон разбитого стекла и крик мамы. Помнила, как отца, спокойного, тихого автомеханика, который мухи не мог обидеть, повалили

на пол. Ему заломили руки так, что хрустнули суставы. Аня тогда кричала, пыталась броситься к нему, но кто-то в форме грубо отшвырнул ее к стене.

— Забирайте девчонку в распределитель, — бросил тогда следователь. — Родители теперь надолго сядут. Нечего ей в этой секте мозги промывать.

Ее родители не были преступниками. Они просто верили иначе. Папа чинил машины и по выходным пытался говорить с соседями о Боге. Мама пекла лучшие в мире пироги с вишней. Они были обычными людьми. Но по телевизору такие люди в дорогих костюмах, как тот, что увел сегодня Дениса, называли их «опухолью на теле общества».

Аня поняла страшную закономерность. Сережа, Света, Марина, Денис. У них всех была одна общая черта. К ним никто никогда не приезжал. У них не было бабушек, теть или старших братьев. Они были ничьими. «Чистыми листами».

Как и она сама.

Ее родители за решеткой, связи с ними нет. Родственников не осталось. Для системы она — идеальная мишень. Девочка с клеймом, исчезновение которой никто не заметит. Если завтра ночью скрипнет дверь ее спальни, никто не задаст вопросов.

Она сунула тетрадь за пазуху, застегнула старую кофту на все пуговицы. Осторожно спустила ноги с кровати и нащупала ботинки. До рассвета оставалось три часа. Лес за территорией интерната был густым и темным, но он пугал ее гораздо меньше, чем люди в идеально сидящих костюмах.

Глава 1. Побег в никуда

Холод линолеума все еще ощущался на босых ступнях, когда Аня, затаив дыхание, скользнула обратно в свою спальню. В ушах до сих пор стоял сухой, лишенный эмоций голос мужчины в дорогом костюме и сонный лепет

семилетнего Дениса, которого уводили в никуда. «На лечение». Эта фраза пульсировала в висках, отбивая ритм колотящегося сердца.

Времени не было. Если она останется здесь до утра, если позволит системе и дальше считать себя «чистым листом», следующей ночью скрипнет дверь ее спальни.

Аня опустилась на колени возле своей кровати. В палате мерно дышали еще семеро девочек. Кто-то всхрапнул, кто-то пробормотал невнятное слово во сне. Эти звуки, к которым она привыкла за месяцы жизни в интернате, сейчас казались чужими, далекими. Она уже отрезала себя от этого места.

Она не стала брать с собой ничего больше. Ни запасного белья, ни куска мыла, ни черствого хлеба из столовой, который дети часто прятали по карманам. Во-первых, у нее не было рюкзака, а карманы старой, выданной со склада куртки были слишком мелкими. Во-вторых, любая лишняя вещь принадлежала интернату. На каждой майке, на каждом полотенце стоял несмываемый чернильный штамп учреждения. Взять их — значит оставить след, дать им повод обвинить ее в краже. Тетрадь же была ее собственной. Единственной вещью в этом здании, которая принадлежала только ей, ее памяти и ее правде.

Аня сунула тетрадь за пазуху, поближе к телу, чтобы картон согревался от кожи. Карандаш опустила в карман. Натянула жесткие, на размер больше нужного, ботинки без шнурков — их заменяли куски бечевки. Застегнула куртку под самое горло.

Путь к свободе лежал через прачечную на первом этаже. Аня знала, что там на одном из окон сломан шпингалет. Зинаида Павловна, директор интерната, уже месяц обещала вызвать завхоза, но, как и все в этом месте, ремонт существовал только на словах.

Коридоры казались бесконечными. Девочка двигалась вдоль стен, сливаясь с тенями, перенося вес с пятки на носок, чтобы старые половицы не выдали ее скрипом.

Дверь прачечной поддавалась с тихим вздохом. Лунный свет пробивался сквозь мутное, давно не мытое стекло. Аня забралась на широкий подоконник, дрожащими пальцами подцепила раму и потянула на себя. Окно поддалось. В

лицо ударил ледяной ночной воздух, пахнувший прелой листвой и близким снегом.

Она перекинула ноги через подоконник и спрыгнула на мерзлую землю. Удар отдался болью в коленях, но Аня не издала ни звука.

Впереди возвышался забор. Это была не просто ограда, а массивное сооружение из кирпичных столбов и кованых металлических прутьев, увенчанных острыми пиками. Интернат строили так, чтобы никто не мог заглянуть внутрь, и чтобы никто не мог выбраться наружу.

Аня подбежала к забору, тяжело дыша. Металл обжег голые руки холодом. Она попыталась подтянуться, вставив носок ботинка в узкую щель между кирпичами фундамента. Подошва соскользнула. Девочка рухнула на землю, ободрав ладони о мерзлый гравий.

Паника начала подступать к горлу липким комом. Если ночной сторож выйдет на обход, если кто-то из воспитателей проснется и заметит открытое окно в прачечной — ее поймают.

Стиснув зубы, Аня снова бросилась к решетке. На этот раз она нашла опору повыше — там, где декоративный завиток металла образовывал небольшую ступеньку. Подтянулась, чувствуя, как трещат швы на старой куртке. Мышцы рук дрожали от напряжения. Она никогда не отличалась физической силой, ее стихией были кисти, краски и тишина, а не преодоление препятствий. Но сейчас ею двигал инстинкт выживания.

Она закинула ногу на верхнюю перекладину, балансируя между острыми пиками. Одно неверное движение — и металл пропорет живот. Аня перенесла вес, готовясь спрыгнуть, но в этот момент бечевка на правом ботинке развязалась, и нога соскользнула.

Девочка полетела вниз. Острый край пики зацепил рукав куртки, с треском распарывая ткань и оставляя глубокую, жгучую царапину на предплечье. Аня рухнула в кучу сухих веток и прошлогодних листьев по ту сторону забора. Удар выбил из легких весь воздух. Несколько секунд она лежала на спине, глядя в черное, беззвездное небо, пытаясь сделать вдох. Боль в руке пульсировала, но это была боль свободы.

Она перевернулась на живот, встала на четвереньки и, пошатываясь, поднялась на ноги. Забор остался позади. Впереди стеной стоял лес.

Аня шагнула в темноту.

Лес встретил ее враждебно. Это был не тот приветливый лесок из детских сказок, а суровый, дикий массив, где деревья росли плотно, переплетаясь голыми ветвями, словно костлявыми пальцами. Под ногами чавкала подмерзшая грязь, скрытая под слоем скользкой хвои.

Уже через десять минут бега Аня поняла, что совершенно потеряла ориентацию. Темнота была абсолютной, густой, как деготь. Лунный свет не пробивался сквозь плотные кроны сосен и елей. Она бежала вслепую, выставив руки вперед, чтобы не разбить лицо о стволы деревьев.

Ветки хлестали по щекам, оставляя саднящие красные полосы. Корни, змеящиеся по земле, то и дело цеплялись за слишком большие ботинки. Аня падала, разбивая колени, поднималась и снова бежала. Ей казалось, что за ней гонятся. Каждый хруст сухой ветки под собственными ногами отдавался в ушах звуком чужих шагов. Шум ветра в верхушках деревьев превращался в гул автомобильного мотора.

Физическое истощение наступило быстро. Организм, ослабленный скудным интернатским питанием и постоянным стрессом, отказывался работать на пределе. Легкие горели огнем, каждый вдох обжигал горло ледяным воздухом. Ноги стали ватными, тяжелыми, словно к ботинкам привязали свинцовые гири.

Аня остановилась, прислонившись спиной к шершавому стволу старой сосны. Она тяжело дышала, глотая ртом воздух. Вокруг стояла звенящая, мертвая тишина, нарушаемая лишь стуком ее собственного сердца.

Где она? Куда бежит?

Дезориентация порождала ужас. Она могла бежать по кругу. Могла углубляться в чащу, где нет ни дорог, ни людей, где она просто замерзнет насмерть к утру. Холод уже начал пробираться под тонкую куртку, сковывая движения. Пальцы на руках онемели так, что она с трудом могла согнуть их в кулак.

Она прижала руку к груди, нащупав сквозь ткань твердый контур тетради. Это движение немного успокоило ее. Пока тетрадь с ней, она существует. Она не «чистый лист». Она — Аня, девочка, которая помнит. Девочка, которая видела, как исчезают дети.

«Нужно идти», — приказала она себе. — «Если остановлюсь — замерзну».

Она оттолкнулась от дерева и побрела дальше. Шаг за шагом. Время потеряло смысл. Казалось, она идет уже несколько часов, продираясь сквозь бесконечные заросли. Страх темноты сменился тупым, животным желанием выжить. Она не думала о том, что будет завтра. Она думала только о том, как сделать следующий шаг.

Внезапно лес начал редеть. Деревья расступились, и в лицо ударил резкий, пронизывающий ветер, не встречающий больше преград. Аня зажмурилась. Когда она открыла глаза, то увидела впереди ровную, серую полосу, разрезающую ночной пейзаж.

Трасса.

Аня бросилась вперед, спотыкаясь о кочки, и рухнула в глубокий кювет, заросший жесткой, покрытой инеем травой. Она лежала на склоне, глядя на асфальт, тускло поблескивающий в свете редких звезд.

Дорога означала жизнь. Дорога означала возможность уехать далеко от интерната. Но вместе с надеждой пришел новый страх.

Полиция.

Аня знала, как работает система. Как только в интернате обнаружат ее исчезновение (а это могло произойти в любую минуту, если нянечка решит проверить спальни), Зинаида Павловна тут же позвонит в дежурную часть. На трассы вышлют патрули. Ориентировки с ее фотографией — рыжая девочка с веснушками, рост сто пятьдесят, одета в казенную куртку — разлетятся по всем постам ДПС.

Для них она не была ребенком, попавшим в беду. Для них она была беглянкой. «Сектанткой», как любили повторять воспитатели, дочь преступников, которую нужно вернуть в клетку.

Вдалеке показались два желтых пятна. Они стремительно приближались, разрезая темноту лучами фар.

Аня вжалась в мерзлую землю кювета, стараясь стать невидимой. Сердце замерло. Что это? Патрульная машина? УАЗик с мигалками на крыше?

Машина пронеслась мимо с оглушительным ревом. Это был обычный легковой автомобиль, но Аня еще долго не могла заставить себя пошевелиться. Страх сковал ее тело крепче, чем мороз. Каждая проезжающая машина казалась ей угрозой. Каждый звук мотора заставлял вжиматься в грязь.

Она пролежала в кювете, наверное, около часа. За это время мимо проехало всего три машины, и от каждой она пряталась, как затравленный зверек.

Но холод брал свое. Температура стремительно падала. Влажная от пота одежда превратилась в ледяной панцирь. Аня перестала чувствовать пальцы на ногах. Дрожь, которая сначала сотрясала ее тело, начала утихать — верный признак того, что организм сдается, погружаясь в смертельную гипотермию. Сознание становилось мутным, вязким. Ей вдруг захотелось просто закрыть глаза и уснуть. Снег вокруг казался таким мягким, таким теплым...

«Нет!» — Аня резко мотнула головой, отгоняя смертельную дремоту. Она вспомнила лицо отца, когда его валили на пол. Вспомнила крик мамы. Вспомнила пустую кровать Дениса.

Аня заставила себя подняться на четвереньки. Суставы скрипели, мышцы отказывались повиноваться. Она выползла из кювета на обочину. Асфальт был ледяным.

Вдалеке, из-за поворота, вынырнули огромные, слепящие фары. Они располагались высоко над землей, освещая трассу на сотни метров вперед. Земля под ногами мелко завибрировала. Приближалось что-то массивное, тяжелое. Фура.

Аня поняла, что это ее единственный шанс. Легковушки не остановятся ночью на пустой трассе, увидев фигуру на обочине — слишком опасно. А дальнобойщики... Она слышала, что они иногда подбирают голосующих.

Она попыталась поднять руку, чтобы проголосовать, но онемевшая конечность едва оторвалась от бедра. Фура приближалась быстро. Рев мощного

дизельного двигателя заполнял все пространство, давя на барабанные перепонки.

Аня сделала шаг вперед, к краю асфальта. Она хотела просто обозначить себя в свете фар, показать, что ей нужна помощь. Но ноги, окончательно потерявшие чувствительность, подвели ее. Ботинок скользнул по обледенелой кромке обочины.

Девочка потеряла равновесие и, взмахнув руками, рухнула прямо на проезжую часть.

Свет фар ударил по глазам с такой силой, что Аня ослепла. В следующую секунду ночную тишину разорвал оглушительный, истошный рев пневматического гудка.

Водитель фуры, Михалыч, гнал свой многотонный тягач сквозь ночь, мечтая только о горячем кофе и стоянке. Трасса была пустой, монотонной. Он знал эту дорогу как свои пять пальцев. И меньше всего он ожидал увидеть, как из темноты обочины прямо под колеса его машины вываливается человеческая фигура.

Михалыч не думал о милосердии. В ту долю секунды, когда в свете галогеновых ламп мелькнула старая куртка, в его мозгу вспыхнула только одна мысль: тюрьма. Если он размажет этого идиота по асфальту, его жизнь кончена.

Адреналин ударил в кровь. Михалыч вжал педаль тормоза в пол с такой силой, что едва не сломал ее. Одновременно он рванул тяжелый руль влево, пытаясь увести многотонную махину от столкновения.

Фура взревела, словно раненый зверь. Колеса заблокировались. Запахло жженой резиной и раскаленным металлом тормозных колодок. Прицеп начало заносить, он угрожающе вильнул, грозя сложиться пополам и перевернуться. Михалыч, матерясь сквозь стиснутые зубы, ювелирно работал рулем, выравнивая сцепку.

Огромная машина скользила по асфальту, оставляя жирные черные следы. Аня лежала на дороге, сжавшись в комок, закрыв голову руками. Она слышала визг покрышек, чувствовала жар, исходящий от надвигающегося металла. Время растянулось. Она ждала удара, который оборвет все.

Тягач остановился с громким шипением стравливаемого воздуха. Массивная хромированная решетка радиатора замерла всего в полуметре от сжавшейся на асфальте девочки. Жар от двигателя обдал ее лицо.

Дверь кабины распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. Михалыч выпрыгнул на дорогу, сжимая в руке тяжелую монтировку — рефлекс дальнобойщика на ночные происшествия. Его лицо, изборожденное глубокими морщинами, было перекошено от ярости.

— Ты что, тварь, бессмертный?! — заорал он хриплым, сорванным голосом, подходя к лежащей фигуре. — Под колеса прыгать?! Я тебя сейчас сам этой монтировкой прибью, чтоб не мучился!

Он наклонился, грубо схватил фигуру за шиворот куртки и рывком поставил на ноги, готовясь высказать все, что думает о ночных самоубийцах.

Но слова застряли у него в горле.

В свете фар он увидел не пьяного бродягу и не бандита-подставщика. Перед ним стояла девочка. Совсем ребенок. Рыжие волосы спутались и прилипли к бледному, почти синему лицу. Губы дрожали, не в силах издать ни звука. На щеке кровоточила глубокая царапина, а глаза... Глаза были огромными, полными такого ужаса, что Михалыч невольно опустил монтировку.

Она стояла перед ним, покачиваясь, словно сломанная кукла. Куртка была порвана на рукаве, из прорехи торчал грязный синтепон. Ботинки, перевязанные веревками, были насквозь мокрыми. Девочка не плакала. Она просто смотрела на него, мелко, непрерывно дрожа всем телом.

Михалыч оглянулся по сторонам. Пустая трасса. Черный лес по обеим сторонам. До ближайшего населенного пункта километров сорок.

— Твою мать... — тихо выдохнул он, и вся его ярость мгновенно испарилась, сменившись тяжелым, тягучим пониманием беды.

Он не был сентиментальным человеком. Дорога давно выбила из него лишние эмоции. Но оставить замерзающего ребенка на трассе ночью — значило стать убийцей не хуже, чем если бы он не успел затормозить. К тому же, стоять посреди полосы было смертельно опасно — в любую секунду из-за поворота могла вылететь другая машина.

— А ну, пошла в кабину, — грубо, но уже без злобы скомандовал он, подталкивая Аню к высокой подножке тягача.

Аня попыталась поднять ногу на ступеньку, но мышцы не слушались. Она беспомощно повисла на поручне.

Михалыч чертыхнулся, подхватил ее под мышки — она оказалась легкой, почти невесомой — и буквально забросил на пассажирское сиденье. Затем быстро обошел машину, запрыгнул на водительское место и захлопнул дверь.

Тяжелый металлический лязг отрезал их от воющего ветра и ледяной ночи.

В кабине было темно, только приборная панель светилась мягким зеленым светом. И здесь было тепло. Невероятно, обжигающе тепло.

Аня вжалась в угол огромного кресла, подтянув колени к подбородку. Ее била крупная дрожь — организм, почувствовав тепло, начал судорожно согреваться. Она инстинктивно прижала руку к груди, проверяя, на месте ли тетрадь. Картонный прямоугольник был там.

Михалыч бросил монтировку за сиденье, снял машину с ручника и плавно выжал сцепление. Огромная фура медленно, с натужным гулом, тронулась с места, набирая скорость и оставляя позади черный лес, кювет и невидимый в темноте интернат.

Водитель не смотрел на нее. Он напряженно вглядывался в дорогу, его лицо в свете приборов казалось высеченным из серого камня. Густые брови были нахмурены, челюсти сжаты.

Аня сидела неподвижно, боясь издать лишний звук. Она спаслась от холода и от людей в костюмах. Но теперь она была заперта в железной коробке, несущейся в неизвестность, наедине с суровым незнакомцем, который только что обещал убить ее монтировкой.

За окном мелькали черные стволы деревьев. Дорога уводила ее все дальше от прошлого, но куда она приведет, Аня не знала. Она лишь крепче сжала пальцами спрятанную под курткой тетрадь — свой единственный якорь в этом новом, пугающем мире.

Глава 2. Тепло чужой кабины

Жар от автомобильной печки накатывал тяжелыми, плотными волнами, пахнущими жженой пылью, соляжкой и крепким табаком. Этот воздух казался почти осязаемым, он обволакивал промерзшее тело, проникая под жесткую ткань казенной куртки, забираясь в рукава и воротник. Аня сидела, вжавшись в угол огромного пассажирского кресла, и не могла перестать дрожать.

Кабина тягача изнутри казалась рубкой космического корабля. В полумраке мягко светилась россыпь зеленых и оранжевых индикаторов на приборной панели. Мерно, с успокаивающей мощностью гудел огромный дизельный двигатель, вибрация от которого передавалась через пол прямо в ступни. За широким лобовым стеклом в свете мощных фар летела навстречу серая лента асфальта, окруженная глухой стеной ночного леса.

Водитель молчал. Он сидел прямо, тяжело положив крупные руки на рулевое колесо. В тусклом свете приборов его профиль казался высеченным из старого, потемневшего дерева. Глубокие морщины прорезали щеки, густые брови нависали над глазами, превращая их в узкие, внимательные щели. Он не смотрел на Аню, его взгляд был намертво прикован к дороге, но девочка чувствовала исходящее от него тяжелое, давящее напряжение.

Она осторожно пошевелила пальцами ног внутри мокрых ботинок. Боль от возвращающейся чувствительности заставила ее тихо, сквозь зубы, втянуть воздух.

Михалыч медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по ее спутанным рыжим волосам, по глубокой царапине на щеке, по нелепой, слишком большой куртке с распоротым рукавом и остановился на ботинках, перевязанных кусками грязной бечевки.

— Ну и откуда мы такие красивые под колеса падаем? — голос у него оказался под стать внешности: хриплый, рокочущий, словно перемалывающий гравий.

Аня сглотнула вязкую слюну. Сердце, только начавшее успокаиваться в тепле, снова забило где-то у самого горла. Она знала, что этот вопрос

прозвучит. И знала, что от ее ответа зависит все. Если она скажет правду — назовет номер интерната, упомянет родителей, которых забрали люди в форме, — этот суровый человек примет единственно логичное для взрослого решение. Он довезет ее до ближайшего поста ДПС и сдаст дежурному. Для него она — проблема, потенциальная уголовная статья, чужая беда, от которой нужно избавиться законным путем. А для нее возвращение к людям в погонах означало конец. Ее снова сделают «чистым листом» и передадут тем, кто увозит детей по ночам.

Нужна была легенда. Простая, понятная, вызывающая раздражение, но не желание немедленно звонить в полицию.

— Я... я заблудилась, — выдавила она, стараясь, чтобы голос звучал жалко, но не слишком испуганно.

— Заблудилась она, — хмыкнул водитель, не отрывая взгляда от трассы. — В три часа ночи. Посреди тайги. До ближайшего жилья сорок километров в любую сторону. За грибами, что ли, пошла в ноябре?

— Я из поселка, — Аня лихорадочно цеплялась за обрывки географии, которую помнила по урокам. — Мы с тетей поругались. Сильно. Она меня ударила, а я убежала. Думала, дойду до станции, сяду на электричку к бабушке... а потом стемнело. Я свернула не туда.

Она замолчала, вцепившись побелевшими пальцами в край сиденья. Под курткой, прижатая к груди, грелась картонная обложка тетради.

Михалыч тяжело вздохнул. Он потянулся к пачке сигарет, лежащей на панели, вытащил одну зубами и щелкнул дешевой зажигалкой. Салон наполнился едким, сизым дымом.

— Как звать-то тебя, путешественница?

— Лера, — не моргнув глазом, соврала Аня. Это имя первым пришло в голову — так звали девочку из старшей группы, которую перевели в другой город еще до того, как начались ночные исчезновения.

Водитель затаился, выпустил струю дыма в приоткрытое окно и снова посмотрел на нее. В его прищуренных глазах не было ни капли доверия. Он был

человеком дороги, человеком, который видел жизнь без прикрас и умел читать людей лучше, чем дорожные знаки.

— Значит, Лера, — медленно произнес он. — И тетя, значит, злая.

Он кивнул на ее ноги.

— Тетя тебя в эти опорки обула? На веревочках? И куртку со штампом на подкладке выдала, чтоб ты не замерзла по пути к бабушке?

Аня инстинктивно попыталась спрятать ноги под сиденье и запахнуть полы куртки, скрывая выцветшую синюю печать интерната, которую она не заметила в темноте. Кровь бросилась в лицо. Легенда рассыпалась, не продержавшись и двух минут. Сейчас он остановит машину. Сейчас он достанет телефон.

Но Михалыч только покачал головой.

— Врать ты не умеешь, Лера. Да и не мое это дело. Мне проблемы не нужны, и тебе, я смотрю, тоже.

Он отвернулся к окну, вглядываясь в темноту.

— Грейся. А там посмотрим, что с тобой делать. Спи давай.

Он прибавил мощность печки. Горячий воздух ударил по ногам с новой силой. Аня откинулась на спинку кресла, чувствуя, как напряжение медленно, неохотно покидает мышцы. Он не поверил ей, но и не выгнал. Он дал ей отсрочку до рассвета.

Мерный гул мотора, покачивание кабины на неровностях асфальта и обволакивающее тепло начали делать свое дело. Измученный страхом и холодом организм требовал отдыха. Веки налились свинцом. Аня смотрела на мелькающие в свете фар белые полосы разметки, и постепенно они начали сливаться в одну сплошную, светящуюся нить, уводящую ее прочь от реальности.

Темнота трассы растворилась, сменившись ярким, слепящим солнцем.

Запах солянки уступил место аромату цветущей сирени и свежескошенной травы. Ане снова было девять лет. Это был тот самый возраст, когда мир кажется огромным, безопасным и полным тайн, которые принадлежат только тебе.

Она сидела на корточках в дальнем углу их старого новосибирского двора, спрятавшись за густыми кустами разросшейся сирени. Рядом, сопя от усердия,

ковыряла землю алюминиевой ложкой Катюша — ее лучшая подруга, девочка из соседнего подъезда с вечно сбитыми коленками и смеющимися глазами.

— Глубже копай, а то дворник найдет, — шепотом командовала Аня, оглядываясь по сторонам.

— Сама копай, тут корни, — отмахивалась Катя, но продолжала рыть влажную, пахнущую дождевыми червями землю.

В кармане Аниного сарафана лежал их главный артефакт — осколок толстого зеленого стекла, идеально гладкий по краям, найденный вчера возле гаражей. Для взрослых это был просто мусор, кусок разбитой бутылки. Для них — кристалл, окно в вечность.

Они делали «секретик». Самую важную вещь в жизни любой дворовой девчонки.

Когда ямка стала достаточно глубокой, Аня бережно выложила на дно блестящую фольгу от шоколадной конфеты «Кара-Кум». Поверх фольги легла крошечная головка желтого одуванчика. А затем — самое главное. Сложенный вчетверо тетрадный листок.

Аня сама писала эту записку вечером, высунув язык от старания, выводя каждую букву синей шариковой ручкой: «Катя + Аня = подруги».

Они не сомневались, что эта бумага пролежит в земле вечно. Они не знали законов физики и химии, не знали, что влага и время превратят тетрадный лист в труху, а фольгу покроют мутным налетом. В их детской вселенной этот секретик был нерушимым договором, печатью, скрепляющей их дружбу навсегда.

Аня накрыла композицию зеленым стеклом. Сквозь него фольга и цветок казались изумрудными, волшебными, словно сокровища на дне сказочного озера. Девочки аккуратно засыпали стекло землей, утрамбовали ладонками и присыпали сверху сухими листьями, чтобы никто не догадался о тайнике.

— Никому не расскажем, — серьезно сказала Катя, вытирая грязные руки о шорты.

— Никому, — подтвердила Аня.

Это воспоминание было таким ярким, таким осязаемым, что спящая в кабине фуры Аня слабо улыбнулась. В том дворе, рядом с Катькой, мир был правильным. Там не было людей в черной форме, не было штампов на одежде и ночных исчезновений. Там были только разбитые коленки, зеленые стеклышки и абсолютная уверенность в том, что завтра будет таким же хорошим, как сегодня.

Но память — жестокий механизм. Стоило Ане расслабиться в объятиях этого светлого прошлого, как мозг, словно испугавшись слишком долгого покоя, перебросил ее в другое время.

Солнечный двор померк. Появились стены их небольшой, но уютной квартиры. Запах сирени сменился ароматом печеного теста и машинного масла.

Папа, Сергей Сергеевич, сидел за кухонным столом. Его руки, руки автомеханика, с въевшейся в микротрещины на коже темной смазкой, которую не брало ни одно мыло, бережно перелистывали страницы толстой книги в кожаном переплете. Он был тихим человеком. Никогда не повышал голос, никогда не ругался матом, даже когда сосед сверху в очередной раз заливал им ванную. По выходным он надевал свой единственный выходной костюм, брал портфель и уходил на собрания или ходил по квартирам, пытаясь говорить с людьми о Боге.

Ане было стыдно перед одноклассниками, когда они видели ее отца, стоящего у подъезда с брошюрами. Она хотела, чтобы он был как все. Но он был другим.

Мама, Елена Сергеевна, стояла у плиты, вытирая руки вафельным полотенцем. Она познакомилась с отцом еще в студенчестве. Ее не отпугнула его вера, потому что за странными, как ей тогда казалось, действиями она увидела главное — абсолютную, кристальную честность. Со временем она и сама приняла это. Ей нравился их пацифизм, нравилось, что в их доме никогда не появится оружие, даже игрушечное.

Но в тот вечер на кухне висело напряжение. Аня, сидевшая в коридоре с альбомом для рисования, замерла, прислушиваясь к голосам родителей.

— Сережа, мы должны это обсудить сейчас, — голос матери звучал непривычно жестко. В нем не было истерики, только стальная, непреклонная воля.

Отец поднял глаза от книги.

— Лена, ты же знаешь правила. Писание говорит...

— Я знаю, что говорит Писание, — перебила она его, опираясь руками о стол. — И я уважаю твой выбор. Но когда дело касается детей, правила устанавливаю я.

Она наклонилась ближе к нему. Аня видела в щель приоткрытой двери, как напряглась спина отца.

— Сережа, моим детям будут переливать кровь, и точка, — чеканя каждое слово, произнесла Елена Сергеевна. — Если случится беда, если Ане потребуется операция, я не позволю ей умереть из-за догмы. Если ты не хочешь — это твой выбор. От переливания крови можешь отказываться сам. Но за дочь решаю я.

В комнате повисла тяжелая тишина. Аня перестала дышать, ожидая скандала. В семьях ее одноклассников такие споры обычно заканчивались криками, хлопаньем дверей и битьем посуды.

Но отец только тяжело вздохнул. Он посмотрел на жену внимательным взглядом. В этом взгляде не было фанатичного блеска, о котором так любили рассказывать эксперты по телевизору. В нем была глубокая, безусловная любовь к женщине, стоящей перед ним.

— Хорошо, Лена, — тихо ответил он, закрывая книгу. — Пусть будет так. Я не стану стоять между тобой и ребенком.

Они не были слепыми фанатиками, готовыми принести своего ребенка в жертву идеологии. Они были живыми людьми, со своими сомнениями, компромиссами и страхами.

Спящая Аня нахмурилась, ворочаясь на жестком сиденье фуры. Это воспоминание всегда вызывало у нее глухую, бессильную ярость. Ярость на тех, кто навесил на ее семью ярлык «деструктивного культа». На тех, кто с экранов телевизоров вещал о «промытых мозгах» и «отсутствии воли». Если бы эти

люди в костюмах хоть раз посидели на их кухне, если бы они слышали тот разговор...

Но они не хотели слушать. Им не нужна была правда. Им нужна была показательная расправа.

Сон сделал резкий, болезненный кульбит. Кухня исчезла. Наступило утро того самого дня, который разделил жизнь Ани на «до» и «после».

Она помнила этот звук до мельчайших деталей. Это был не стук в дверь. Это был грохот металла о металл, от которого задрожали стены.

Аня сидела на ковре в своей комнате, собирая рюкзак в художественную школу. Мама на кухне напевала какую-то мелодию, готовя завтрак. Папа завязывал шнурки в прихожей, собираясь на работу в автомастерскую.

Второй удар был такой силы, что с потолка посыпалась белая крошка побелки.

— Открывайте! Полиция! — раздался из-за двери приглушенный, искаженный металлом голос.

Отец выпрямился, его лицо мгновенно побледнело. Он сделал шаг к двери, протягивая руку к замку.

— Сейчас, секунду, я открываю... — начал он своим обычным, спокойным голосом.

Он не успел. Следующий удар вынес замок вместе с куском дверной коробки. Дверь распахнулась настежь, ударившись о стену с такой силой, что осыпалась штукатурка.

В узкую прихожую ворвались люди. Их было много, они казались огромными в своей черной форме, бронежилетах и масках, скрывающих лица. В руках у них было оружие — то самое оружие, которое мама так ненавидела.

— Лицом в пол! Руки за голову! — заорал первый ворвавшийся, сбивая отца с ног.

Сергей Сергеевич не сопротивлялся. Он даже не пытался поднять руки для защиты. Он просто осел на пол, но человек в маске грубо придавил его коленом к линолеуму, заломив руки за спину с тошнотворным хрустом.

Из кухни выбежала мама. В ее руках была зажата деревянная лопатка.

— Что вы делаете?! — закричала она, бросаясь к мужу. — Он же ничего не сделал!

Один из оперативников перехватил ее на полпути.

Аня выскочила из своей комнаты. Увидев отца, лежащего лицом в грязном линолеуме, и мать, сползающую по стене, она закричала. Это был тонкий, пронзительный детский крик, полный абсолютного, животного ужаса. Она бросилась к отцу, пытаясь оттащить тяжелого человека в черном.

— Папа!

Чья-то жесткая рука в тактической перчатке схватила ее за шиворот.

В квартиру вошел человек в штатском. На нем была неприметная серая куртка, в руках он держал папку. Он брезгливо перешагнул через ноги лежащего отца и оглядел разгромленную прихожую.

— Понятые здесь? — бросил он через плечо. — Начинайте обыск. Изымать всю литературу, электронные носители, записи.

Он посмотрел на Аню, сжавшуюся в углу. В его глазах не было ни злости, ни сочувствия. Только холодный, профессиональный расчет.

— Девочку в распределитель, — скомандовал он, отворачиваясь. — Родители теперь надолго сядут.

Аня помнила, как ее тащили по лестнице. Помнила, как соседи испуганно выглядывали из-за приоткрытых дверей и тут же прятались обратно. Помнила, как ее запихнули на заднее сиденье патрульной машины.

Она смотрела в окно, как из подъезда выводят отца в наручниках. Он шел ссутулившись, но перед тем, как его посадили в автозак, он поднял голову и посмотрел прямо на патрульную машину, где сидела Аня. Он не мог ее видеть из-за тонированных стекол, но он знал, что она там. Он одними губами произнес: «Не бойся доченька. Это какое-то недоразумение».

Фура резко подпрыгнула на выбоине.

Аня резко распахнула глаза, судорожно хватая ртом воздух. Сердце колотилось о ребра так сильно, что причиняло физическую боль. Она

инстинктивно вскинула руки, защищаясь от невидимого удара, ожидая увидеть черные маски и дула автоматов.

Но вокруг был только полумрак кабины. Зеленые огоньки приборов. И ровный, успокаивающий гул мотора.

Михалыч покосился на нее, не меняя выражения лица.

— Приснилось чего? — коротко спросил он.

Аня медленно опустила руки. Дыхание со свистом вырывалось из пересохшего горла. Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

— Бывает, — философски заметил водитель. — Дорога, она все вытягивает. И хорошее, и плохое.

Он потянулся к магнитоле и сделал звук чуть громче. Из динамиков тихо полилась какая-то старая, хриплая песня под гитару.

Аня прижала ладонь к груди. Тетрадь была на месте. Твердый картон под слоями одежды служил единственным доказательством того, что она существует, что ее прошлое реально, а не выдуманно людьми в серых куртках.

Она отвернулась к окну. За стеклом по-прежнему царила непроглядная ночь. Лес стоял черной стеной, скрывая в себе тысячи тайн. Фура неслась вперед, разрезая темноту мощными лучами фар, увозя ее все дальше от разбитой двери их квартиры, от закопанного во дворе секретика и от интерната, где дети исчезали по ночам.

Аня смотрела на свое бледное отражение в боковом стекле. Девочка с испуганными глазами и царапиной на щеке. Лера, которая поругалась с тетей.

Она знала, что Михалыч снова начнет задавать вопросы. Знала, что ее нелепая легенда не выдержит проверки дневным светом. Этот суровый человек с руками, похожими на корни старого дерева, не был дураком. Он видел ее насквозь.

Но сейчас, в этой ревущей железной коробке, несущейся сквозь холодную пустоту, она была в безопасности. Впервые за долгие месяцы над ней не висела угроза шагов в ночном коридоре.

Аня закрыла глаза, вслушиваясь в ритмичный стук колес на стыках асфальта. Этот звук отмерял расстояние между ней и ее прошлым. С каждым километром интернат оставался все дальше, но лица исчезнувших детей, зарисованные в тетради, становились только четче. Она не знала, куда везет ее этот угрюмый дальнбойщик. Не знала, что будет есть завтра и где будет спать.

Глава 3. Клеймо

Небо над трассой начало едва заметно светлеть, сменяя глухой, чернильный мрак ночи на холодный серо-стальной оттенок раннего утра. Огромный тягач, мерно гудя мощным дизельным двигателем, сбавил скорость. Вибрация в кабине изменила тональность, когда колеса съехали с гладкого асфальта на покрытую выбоинами и грязным снегом площадку. Это была стоянка для дальнбойщиков — небольшой, затерянный на краю леса островок цивилизации, состоящий из заправочной станции, длинного ряда припаркованных фур и приземистого здания придорожного кафе, окна которого тускло светились желтым светом.

Пневматические тормоза тяжело выдохнули, и машина замерла. Аня, сжавшаяся в комок на пассажирском сиденье, испуганно вздрогнула и открыла глаза. Тепло кабины разморило ее, но сон был поверхностным, тревожным, полным обрывков кошмаров, в которых хлопали двери и звучали чужие, властные голоса.

Михалыч заглушил двигатель. В наступившей тишине стало слышно, как по крыше кабины барабанит мелкая, жесткая крупа начинающегося снегопада. Водитель тяжело повернулся в кресле, разминая затекшую шею. Его лицо в бледном свете утра казалось еще более усталым, изрезанным глубокими морщинами, словно старая, давно не отремонтированная дорога.

— Сиди здесь, — коротко бросил он, накидывая на плечи потертую куртку.
— Двери заблокирую. Никому не открывай, даже если стучать будут. Поняла?

Аня молча кивнула, плотнее запахивая свою безразмерную казенную куртку. Щелкнул центральный замок, отрезая ее от внешнего мира. Михалыч тяжело спустился по ступенькам, хлопнул дверью и, сутулясь от пронизывающего ветра, направился к зданию кафе.

Оставшись одна, девочка впервые за последние несколько часов позволила себе нормально выдохнуть. Она огляделась. Кабина фуры изнутри казалась целым домом. За сиденьями виднелась спальная полка, застеленная клетчатым пледом, на приборной панели лежали какие-то накладные, пачка сигарет, зажигалка и старый, потертый термос.

Михалыч вернулся минут через пятнадцать. Он открыл дверь, впуская в кабину клуб морозного воздуха, и поставил на панель объемный пластиковый пакет, от которого исходил невероятно вкусный запах горячей еды.

— Держи, путешественница, — проворчал он, доставая два больших пластиковых стакана с дымящимся чаем и бумажный сверток, на котором уже проступили жирные пятна. — Ешь давай.

Аня дрожащими руками взяла стакан. Пластик обжигал ладони, но эта боль была приятной, возвращающей к жизни. Она сделала маленький глоток. Чай был сладким, крепким, с легким привкусом бумаги, но сейчас он казался ей самым вкусным напитком на свете. Горячая жидкость прокатилась по пищеводу, согревая изнутри.

В бумажном свертке оказались два огромных, пышущих жаром пирожка. Один с картошкой, другой с капустой. Тесто было мягким, щедро пропитанным маслом. Аня впилась зубами в первый пирожок, забыв об осторожности. Чувство голода, которое она игнорировала из-за страха и адреналина. Она жевала быстро, судорожно глотая плохо пережеванные куски, боясь, что еду могут в любой момент отобрать. Так ели в интернате, когда на стол попадало что-то вкуснее слипшейся перловки.

Михалыч сидел рядом, медленно прихлебывая свой чай, и молча наблюдал за ней. В его взгляде не было жалости — дальнбойщики редко испытывают сентиментальные чувства к случайным попутчикам. Но в его прищуренных глазах читалась глубокая, тяжелая задумчивость. Он видел, как девочка ест.

Видел ее сгорбленную позу, инстинктивно защищающую еду. И он видел еще одну деталь, которая не давала ему покоя.

Даже сейчас, увлеченная едой, Аня держала левую руку плотно прижатой к животу. Когда она потянулась за вторым пирожком, пола ее рваной куртки слегка отвернулась, и Михалыч заметил выглядывающий из-под свитера край потрепанной картонной обложки. Девочка мгновенно, рефлекторным движением дернула ткань обратно, скрывая предмет, и бросила на водителя быстрый, затравленный взгляд.

Михалыч сделал вид, что ничего не заметил. Он отвернулся к окну, глядя на падающий снег. Старый водитель повидал на своем веку многое. Он подвозил сбежавших из дома подростков, искателей приключений, мелких воришек и просто заблудившихся дураков. Все они вели себя по-разному. Но эта девчонка... Она не была похожа на обычную беглянку, поругавшуюся с теткой. Обычные подростки бегут с рюкзаками, набитыми вещами, с украденными деньгами или хотя бы с мобильными телефонами. Эта же вывалилась на трассу в старых опорках, перевязанных веревками, с пустыми руками. И единственное, что она охраняла пуще собственной жизни, — это спрятанная под одеждой тетрадь.

Люди не прячут так школьные дневники или альбомы для рисования. Так прячут улики. Михалыч понял, что девочка бежит от чего-то по-настоящему страшного, от чего-то такого, что заставило ее шагнуть в ледяную ночную тайгу. Он не стал задавать вопросов. Дорога научила его главному правилу: не лезь в чужую беду, пока тебя не попросят, но если уж взял человека в кабину — отвечай за него.

Аня доела второй пирожок и откинулась на спинку кресла. Тепло от печки и сытость сделали свое дело. Напряжение, сковывавшее ее мышцы стальным панцирем, начало окончательно отпускать. Дыхание выровнялось. Она закрыла глаза, чувствуя, как тяжелеют веки.

Но стоило ей расслабиться, как мозг, больше не занятый выживанием в лесу, начал методично, кадр за кадром, воспроизводить то, от чего она бежала.

Интернат. Длинное, трехэтажное здание из серого кирпича, обнесенное высоким забором. Место, где время текло по своим, извращенным законам.

Аня помнила свой первый день там. Когда за ней захлопнулась тяжелая металлическая дверь приемного покоя, она оставила снаружи не только свою свободу, но и свою личность. В этом учреждении не было места индивидуальности. Система работала как гигантский, бездушный пресс, стирающий любые отличительные черты.

Ее имя исчезло в первый же час.

— Фамилия? — сухо спросила полная женщина в белом халате, заполняя карточку. — Аня... Анна Сергеевна, — тихо ответила девочка, глотая слезы. — Я не спрашиваю, как тебя мама называла. Фамилия! — рявкнула женщина, не поднимая глаз от бумаг.

С того момента она стала просто фамилией в журнале учета. Воспитатели никогда не обращались к детям по именам. «Иванова, к доске», «Петров, дежурный по столовой», «Смирнова, марш в спальню». Это обезличивание было первым этапом ломки.

Но для Ани система приготовила особое клеймо.

Слухи в закрытых учреждениях распространяются быстрее лесного пожара. Уже к вечеру первого дня весь персонал знал, по какой статье арестованы ее родители. Знали об этом и старшие дети, подслушивающие разговоры воспитателей в коридорах.

«Секта».

Это слово прилипло к ней намертво. Оно заменило ей имя, заменило фамилию. Оно стало ее тенью.

— Эй, секта, ты чего там рисуешь? Молишься своим богам? — гоготали мальчишки из старшей группы, вырывая у нее из рук альбомный лист.

Слово «секта» в стенах интерната произносилось с брезгливостью, с каким-то суеверным страхом и одновременно с садистским удовольствием. Воспитатели использовали его как универсальное оправдание для любой несправедливости. Если у Ани пропадала порция хлеба в столовой — «сектантке полезно попоститься».

Аня пыталась объяснить. Пыталась рассказать, что ее папа просто чинил машины, а мама пекла пироги. Что они никого не убивали, ничего не крали. Но

ее никто не слушал. Система уже вынесла приговор. Для них она была носителем какой-то невидимой, грязной болезни, от которой нужно было изолировать остальных.

Она научилась молчать. Научилась прятаться в самых дальних углах двора, забираться с ногами на широкий подоконник в конце коридора и просто наблюдать. Ее художественное образование, привычка подмечать детали, пропорции и тени, сослужили ей странную службу. Она начала видеть то, чего не замечали другие дети.

Она увидела алгоритм.

Дети в интернате пропадали. Официально это называлось «перевод в другое учреждение» или «направление на специализированное лечение». Воспитатели говорили об этом буднично, не вдаваясь в подробности. Но Аня, привыкшая часами сидеть в тишине и анализировать происходящее, заметила пугающую закономерность.

Во-первых, исчезновения всегда происходили ночью. Никого никогда не увозили днем, после завтрака, на глазах у всей группы. За детьми всегда приходили в самое глухое время, между двумя и четырьмя часами ночи, когда сон наиболее крепок.

Во-вторых, и это было самым страшным, система выбирала жертв не случайно.

Аня помнила Сережу из пятой группы. Тихого, забитого мальчика с вечно текущим носом. К нему никогда никто не приезжал. У него не было ни бабушек, ни дальних теток, ни старших братьев. Он был абсолютно одинок в этом мире. Никто не присылал ему посылок с конфетами на Новый год, никто не звонил директору, чтобы узнать о его здоровье. Он был «чистым листом». Идеальной мишенью.

Его забрали в октябре. Аня тогда не спала из-за зубной боли. Она слышала шаги в коридоре, слышала приглушенный голос директора Зинаиды Павловны. Утром кровать Сережи была пуста.

Потом были Света и Марина, две сестры-погодки. Их родители погибли в автокатастрофе, родственников не нашлось. Девочки держались только друг за друга. Их увели в конце ноября.

Алгоритм был безупречен в своей жестокости. Забирали только тех, кого некому было искать. Тех, чье исчезновение не вызовет вопросов, не спровоцирует визитов прокуратуры или скандалов с опекунами. Система методично, словно сортируя бракованные детали на заводе, отбирала самых незащищенных, самых незаметных.

Аня поняла, что она идеально вписывается в этот профиль. Ее родители за решеткой, связи с ними нет. Родственников, готовых взять опеку над дочерью «преступников», не нашлось. Она была изолирована, заклеена и абсолютно одинока. Ее очередь была лишь вопросом времени.

Именно тогда она начала вести свой дневник.

Это не было осознанным планом мести или попыткой собрать компромат. Это был инстинкт самосохранения, отчаянная попытка художника зафиксировать реальность, которая ускользала, стиралась чужими руками. Если система хотела сделать этих детей невидимыми, Аня решила сделать их бессмертными на страницах своей тетради.

Она записывала имена. Возраст. Приметы. Даты исчезновения.

В памяти всплыла конкретная ночь в середине декабря. Мороз тогда ударил под тридцать градусов. Окна в спальнях покрылись толстым слоем льда. Аня проснулась от скрипа половиц в коридоре.

Она бесшумно выскользнула из-под одеяла. На цыпочках, стараясь не дышать, прокралась в умывальную комнату в конце коридора. Там окно выходило на задний двор интерната, к глухим металлическим воротам, через которые обычно привозили продукты.

Аня прижалась лбом к ледяному стеклу.

Двор был залит мертвенно-бледным светом единственного фонаря. Снег искрился. У ворот стояла машина. Это был не служебный УАЗик и не скорая помощь. Это был длинный, черный седан. Двигатель работал, из выхлопной трубы валил густой белый пар.

Дверь черного хода открылась. На крыльцо вышли двое. Один — высокий мужчина в темном пальто. Вторая — ночная нянечка, ведущая за руку маленького Витю из второй группы. Мальчик был одет в свою тонкую курточку, на голове криво сидела шапка. Он тер глаза кулаком и спотыкался.

Мужчина открыл заднюю дверь машины. Нянечка подтолкнула Витю в салон. Дверь захлопнулась с глухим, тяжелым звуком, отрезая ребенка от внешнего мира.

Аня впилась взглядом в задний бампер машины. Фонарь освещал прямоугольник номерного знака. Она зажмурилась, потом снова открыла глаза, фокусируясь только на цифрах и буквах. Буквы были грязными, но читаемыми.

Она повторяла эту комбинацию про себя, как мантру, пока машина медленно разворачивалась и выезжала за ворота. Она бросилась обратно в спальню, нырнула под матрас, достала тетрадь и в полной темноте, на ощупь, вывела эти символы на бумаге.

С той ночи ее записи стали подробными. Она фиксировала не только то, кто пропал, но и на чем их увозили. Она зарисовывала силуэты машин, записывала номера, если удавалось их разглядеть, отмечала время. Тетрадь пухла от информации. Она превратилась в хронику тихого, методичного уничтожения.

Аня знала, что если эту тетрадь найдут, ее не просто накажут. Ее уничтожат.

Система не терпела свидетелей. В интернате существовали свои методы борьбы с теми, кто задавал слишком много вопросов или проявлял неповиновение. Аня видела это своими глазами.

На втором этаже, в самом конце правого крыла, находился медицинский изолятор. Официально туда помещали детей с инфекционными заболеваниями. Неофициально — это было место, где ломали волю.

Если ребенок начинал бунтовать, кричать, требовать справедливости или пытался сбежать, его отправляли к Антонине Васильевне, старшей медсестре. Женщина с холодными, водянистыми глазами и тяжелыми руками никогда не кричала. Она просто делала уколы или заставляла глотать горсть мелких белых таблеток.

Аня помнила, как туда забрали тринадцатилетнего Игоря, который в припадке ярости разбил окно в столовой, крича, что хочет домой. Его не было три дня. Когда он вернулся в группу, его было не узнать.

Игорь больше не кричал. Он вообще почти не разговаривал. Его движения стали медленными, тягучими, словно он двигался под водой. Глаза потеряли фокус, превратившись в две мутные стекляшки. Он мог часами сидеть на стуле, глядя в одну точку на стене.

Аня до ужаса боялась этих таблеток. Они превращают человека в послушное, безвольное растение. Они стирают личность быстрее и надежнее, чем любое физическое наказание. Под действием этих препаратов дети становились тихими, удобными для системы. Их можно было переводить, увозить, прятать — они не сопротивлялись.

Именно страх перед изолятором заставил Аню стать невидимкой. Она научилась подавлять любые эмоции. Когда ее обзывали «сектой», она опускала глаза и молчала. Когда ее толкали, она не давала сдачи. Она стала идеальной, послушной воспитанницей в глазах персонала.

Но одной ночью алгоритм добрался до нее.

Она услышала разговор директора с тем мужчиной в костюме. Услышала фразу «чистый лист». И поняла, что время вышло. Никакая покорность ее больше не спасет. Система пришла за ней.

Аня вздрогнула и открыла глаза. Воспоминания были настолько яркими, что она на секунду забыла, где находится. Ей показалось, что она снова в холодной спальне интерната, и сейчас скрипнет дверь.

Но вокруг была кабина фуры. За окном кружился густой снег, засыпая лобовое стекло. Внутри было тепло.

Михалыч сидел за рулем, задумчиво куря сигарету. Он не смотрел на нее, но Аня чувствовала его присутствие — большое, надежное, спокойное. Этот человек с грубым лицом и руками, испачканными мазутом, был полной противоположностью тем людям в идеально сидящих костюмах, которые увозили детей по ночам.

Он затушил окурок в пепельнице, скомкал пустые пластиковые стаканы и бросил их в пакет для мусора.

— Ну что, согрелась? — спросил он, не поворачивая головы.

Аня кивнула.

— Согрелась. Спасибо.

— То-то же, — буркнул он. — Спать хочешь?

— Не знаю.

— Ложись на спальник, — он кивнул назад, на широкую полку за сиденьями. — Там плед чистый.

Аня нерешительно посмотрела на полку. Там было темно и уютно. Она перебралась назад, сняла мокрые, перевязанные веревками ботинки и забралась под толстый, колючий шерстяной плед.

Аня лежала на полке, свернувшись калачиком. Мерное покачивание кабины и ровный гул мотора действовали как колыбельная. Она сунула руку под куртку, нащупав шершавый картон тетради. Пальцы привычно обвели контуры невидимых в темноте букв.

Она вспомнила номера машин. Вспомнила лица Сережи, Светы, Вити. Вспомнила пустые, стеклянные глаза Игоря после изолятора. Система думала, что стерла их. Думала, что они исчезли бесследно, растворились в ночи, не оставив после себя ничего, кроме пустых кроватей. Но они ошибались.

Аня закрыла глаза. Усталость, копившаяся сутками, наконец взяла свое. Мышцы расслабились, дыхание стало глубоким и ровным. Она провалилась в тяжелый, но на этот раз спокойный сон без сновидений.

Михалыч бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Девочка спала, крепко прижимая руки к груди, защищая свою тайну даже во сне. Старый дальнобойщик перевел взгляд на дорогу. Снег усиливался, заметая следы огромных колес на асфальте. Он не знал, кто она такая и кто за ней гонится. Но он знал одно: он не отдаст ее обратно в ту темноту, из которой она вынырнула.

Фура набирала скорость, разрезая снежную пелену, увозя их все дальше от проклятого места, где у детей отнимали имена.

Глава 4. Громкое зло и тихое добро

Тяжелая, обитая дерматином дверь придорожного кафе поддалась с натужным скрипом, впуслав внутрь клуб морозного пара и двух посетителей. Внутри пахло жареным луком, влажной шерстью и дешевым растворимым кофе. Это был типичный островок жизни на федеральной трассе: длинная стойка из потертого пластика, ряды столов, покрытых клеенками с выцветшим цветочным узором, и непрерывный гул холодильной витрины, в которой томились заветренные салаты и сосиски в тесте.

Михалыч уверенно прошел к угловому столику, тяжело опустился на стул, сбросив на соседнее сиденье свою куртку. Аня скользнула следом, стараясь занимать как можно меньше места. Она не снимала свою безразмерную куртку, лишь расстегнула молнию до середины груди. Девочка села на самый край стула, инстинктивно ссутулившись, словно ожидая удара. Ее взгляд постоянно метался между входной дверью и окном, за которым в серой утренней хмари стояла их фура.

— Сиди, я сейчас, — бросил дальнобойщик и направился к стойке.

Аня осталась одна. Она обхватила себя руками, чувствуя сквозь ткань свитера твердый контур спрятанной тетради. В кафе было тепло, но ее продолжала бить мелкая, нервная дрожь. Каждое открытие входной двери, каждый звон колокольчика заставляли ее вздрагивать. Ей казалось, что сейчас на пороге появятся люди в форме, что ориентировка на рыжую девочку из интерната уже разослана по всем постам, и ее поимка — лишь вопрос времени.

За стойкой скучала полная буфетчица в накрахмаленном чепце. Михалыч взял два подноса, уставив их тарелками с дымящимся борщом, щедро сдобренным сметаной, порциями макарон с гуляшом и гранеными стаканами с компотом. Он расплатился смятыми купюрами и вернулся к столу.

— Ешь, — коротко скомандовал он, придвигая к ней поднос. — До вечера нормальной жратвы не предвидится. На трассе харчеваться надо, когда дают, а не когда хочется.

Аня послушно взяла алюминиевую ложку. Горячий суп обжигал нёбо, но она глотала его почти не жуя, подчиняясь первобытному инстинкту выживания. Еда возвращала силы, но не приносила успокоения.

В дальнем конце зала, под самым потолком, на кронштейне висел пузатый телевизор. Экран транслировал утреннее ток-шоу федерального канала. Звук был приглушен, но в относительной тишине кафе, нарушаемой лишь звяканьем посуды и редкими репликами других водителей, слова ведущего разносились достаточно отчетливо.

Аня не обращала внимания на экран, пока не услышала знакомую, режущую слух интонацию. Она подняла глаза.

В студии, залитой ярким софитным светом, сидел человек в выглаженном темно-синем костюме. Его галстук был идеально повязан, волосы зачесаны. Он сидел в кресле с вальяжной уверенностью хозяина положения, слегка подавшись вперед, словно нависая над аудиторией. Внизу экрана бегущей строкой светилась надпись: «Александр Леонидович Дворкин, ведущий эксперт РАЦИРС».

— Мы должны понимать масштаб угрозы, — вещал Дворкин, и его голос, поставленный, гипнотический, заполнял пространство придорожного кафе. — То, с чем мы сталкиваемся сегодня, это не просто заблудшие души. Это хорошо организованные, финансово мотивированные структуры. Деструктивные культы.

Ведущий ток-шоу, молодой человек с тревожным лицом, понимающе закивал:

— Александр Леонидович, но ведь многие из них утверждают, что они просто верят иначе. Что они пацифисты, не берут в руки оружие...

Дворкин усмехнулся. Это была холодная, снисходительная усмешка человека, обладающего монополией на истину.

— Пацифисты? — он театрально развел руками. — Это классическая ширма. За этой ширмой скрывается тотальный контроль над сознанием. У этих людей нет своей воли. Их мозги промыты до такой степени, что они готовы отдать лидерам все: свои сбережения, свои квартиры, свои жизни. Возьмите одну из недавних операций в Новосибирске, в конце октября.

Аня перестала жевать. Ложка замерла в миллиметре от ее губ. Конец октября. Тот самый день, когда выломали дверь их квартиры.

На экране телевизора сменилась картинка. Появились кадры оперативной съемки: люди в черных масках, выбитая дверь, разбросанные по полу книги. Аня узнала обои в цветочек. Узнала угол своего письменного стола.

— По данным следствия, в ходе обысков была изъята запрещенная литература, — продолжал голос Дворкина за кадром. — Эти так называемые «мирные верующие» систематически разрушали семьи. Они заставляли адептов переписывать недвижимость на руководство секты. Это не религия. Это тоталитарная секта. Это опухоль на теле нашего общества.

Камера снова вернулась в студию. Дворкин смотрел прямо в объектив, его глаза сузились, лицо приобрело жесткое, фанатичное выражение.

— А опухоль, как известно, не лечится терапией, — чеканя каждое слово, произнес он. — Она не поддается уговорам. Она вырезается. Хирургическим путем. Ради спасения всего организма. И мы будем вырезать эту заразу, пока не очистим страну.

Воздух в легких Ани закончился. Она попыталась сделать вдох, но горло свело судорогой. Экран телевизора начал расплываться, звуки кафе слились в один сплошной, давящий гул. Слова «опухоль» и «вырезается» пульсировали в висках, отдаваясь физической болью.

Она вспомнила лицо отца, вдавленное в грязный линолеум. Вспомнила крик матери. Вспомнила пустые кровати в интернате и черную машину у заднего двора. Этот человек в костюме, вещающий с экрана о спасении общества, был тем самым голосом, который отдавал приказы. Он был тем, кто превращал живых людей, ее родителей, в безликую «заразу», которую нужно уничтожить.

Алюминиевая ложка выскользнула из ослабевших пальцев и со звоном упала на край тарелки, разбрызгав красные капли борща по белой клеенке. Аня резко отодвинулась от стола. Стул с противным скрежетом проехался по кафелю. Девочка вскочила, тяжело дыша, ее лицо стало пепельно-серым, а глаза расширились от неконтролируемого ужаса. Она смотрела на экран, не в силах отвести взгляд от человека, который методично, с улыбкой на губах, оправдывал разрушение ее жизни.

Михалыч, до этого спокойно жевавший гуляш, мгновенно оценил ситуацию. Он не стал задавать вопросов. Не стал успокаивать ее на глазах у всего кафе. Дальнбойщик бросил на стол скомканную пятисотрублевую купюру, схватил свою куртку и жестко, но без боли, взял Аню за локоть.

— На выход. Быстро, — скомандовал он низким голосом.

Он буквально вытащил ее на улицу. Ледяной ветер ударил в лицо, выбивая остатки воздуха из легких. Михалыч дотащил ее до фуры, распахнул пассажирскую дверь и посадил внутрь. Сам обошел тягач, запрыгнул на водительское место и захлопнул дверь, отрезая их от внешнего мира.

В кабине было тихо. Двигатель не работал, печка еще не успела остыть.

Аня забилась в угол сиденья, подтянув колени к подбородку. Ее трясло так сильно, что зубы выбивали мелкую дробь. Она закрыла лицо руками, пытаясь спрятаться, исчезнуть, раствориться в воздухе. Паническая атака накрыла ее с головой. Ей казалось, что Дворкин сейчас шагнет с экрана прямо сюда, в кабину, и укажет на нее пальцем.

Михалыч не заводил мотор. Он достал из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся. Сизый дым поплыл под потолком кабины. Водитель молчал. Он дал ей время. Он знал, что истерику нельзя останавливать силой, она должна выгореть сама.

Прошло пять минут. Дрожь Ани начала постепенно утихать. Она опустила руки и посмотрела на Михалыча. В ее глазах больше не было затравленности пойманного зверька. Там была абсолютная, звенящая пустота человека, которому больше нечего терять. Легенда о ссоре с тетей рассыпалась в прах. Врать дальше не имело смысла.

— Меня зовут не Лера, — ее голос прозвучал хрипло, надломленно. — Меня зовут Аня.

Михалыч медленно выдохнул дым в приоткрытое окно.

— Я догадался, — спокойно ответил он. — Дальше.

Аня сглотнула. Слова давались тяжело, словно она вытаскивала их из себя клещами.

— То, что показывали по телевизору... Эта квартира. Это мой дом. В Новосибирске. В конце октября они выломали нам дверь.

Она замолчала, ожидая реакции. Ожидая, что сейчас Михалыч отшатнется от нее, как от прокаженной. Что он скажет те же слова, которые она слышала в интернате. «Сектантка». «Зараза». Но лицо дальнобойщика оставалось непроницаемым. Он лишь слегка прищурил глаза, внимательно слушая.

— Мой папа... он автомеханик. Сергей Сергеевич. Он никогда никого не обманывал. Он просто верил. Они с мамой... они даже оружие в руки брать отказывались. Мама говорила, что жизнь — это самое ценное. Когда они спорили о правилах, мама сказала, что если мне понадобится кровь, она отдаст свою, несмотря ни на какие запреты. Они не были фанатиками. Они были просто моими родителями.

Слезы наконец прорвались. Они текли по грязным щекам, оставляя светлые дорожки, но Аня не вытирала их. Она говорила быстро, сбивчиво, боясь, что он ее остановит.

— А этот человек в костюме... Дворкин. Он называет нас опухолью. Он говорит, что мы продавали квартиры. Но мы жили в обычной двушке! У нас даже машины новой не было, папа старую «Волгу» чинил! Они забрали их. Обоих. Просто положили лицом в пол и увезли. А меня... меня отправили в интернат.

Михалыч затушил окурок в пепельнице.

— И ты сбежала оттуда, потому что там плохо кормят? — тихо спросил он.

— Нет, — Аня покачала головой. — Я сбежала, потому что оттуда не возвращаются.

Она расстегнула куртку. Дрожащими пальцами залезла под свитер и вытащила свою тетрадь. Картонная обложка помялась и впитала пот, но страницы остались целыми. Она протянула тетрадь Михалычу. Это был жест абсолютного доверия. Она отдавала ему свою жизнь.

Водитель взял тетрадь своими большими, грубыми руками. Включил салонный свет. Открыл первую страницу.

Его взгляд скользнул по неровным строчкам, написанным простым карандашом.

«Сережа. 5 группа. Увезли ночью. Родственников нет». «Света и Марина. Увезли 28 ноября. Машина черная, номер не видела». «Витя. 2 группа. Увезли 14 декабря, 03:15. Машина седан, номер *****».

Михалыч перелистывал страницы. Он видел зарисовки лиц, контуры автомобилей, даты и время. Он видел систему. Алгоритм, зафиксированный рукой ребенка.

— Они забирают только тех, кого некому искать, — прошептала Аня. — Тех, у кого нет бабушек или старших братьев. «Чистые листы». Вчера ночью директор сказала этому человеку в костюме, что документы готовы и родственников нет. Они забрали Дениса. Ему семь лет. Я поняла, что я следующая. У меня никого нет. Мои родители в тюрьме. Если я исчезну, никто не задаст вопросов.

Михалыч закрыл тетрадь. Он долго смотрел на потертую картонную обложку, затем перевел взгляд на лобовое стекло, за которым кружился снег. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, казалось сейчас высеченным из серого камня. Челюсти были плотно сжаты, на скулах играли желваки.

Он положил тетрадь на панель приборов и тяжело вздохнул.

— Знаешь, Аня, — его голос звучал глухо, словно из-под земли. — Я ведь не всю жизнь баранку кручу.

Он посмотрел на свои руки, въевшуюся в кожу темную смазку, которую не брало ни одно мыло.

— Я инженером был. На заводе. Мы оборудование для космоса делали. Сложное, точное. Я каждый винтик в тех приборах знал. Гордился этим. А потом

наступили девяностые. И пришли вот такие же... в костюмах. С красивыми словами про реструктуризацию, про неэффективность, про новую экономику. Они не называли нас опухолью, они называли нас «балластом».

Михалыч усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. Только застарелая, горькая боль.

— Они завод на металлолом порезали. Станки, которые миллионы стоили, за копейки продали. Людей на улицу вышвырнули. Мой начальник цеха тогда в петлю залез, потому что семью кормить нечем было. А эти, в костюмах, они потом по телевизору выступали. Рассказывали, как они экономику спасают.

Он повернулся к Ане. Его глаза-щели смотрели прямо, пронзительно.

— Я тогда одну вещь понял, девочка. Зло — оно всегда громкое. Оно обожает трибуны, микрофоны, софиты. Оно всегда прикрывается высокими целями: спасением общества, защитой государства, очищением от скверны. Те, кто про «зло» заливают с экранов, обычно сами его и плодят, чтобы на его фоне святошами казаться. Им нужны враги, чтобы оправдать свою власть. Сегодня это сектанты, завтра — инженеры, послезавтра — еще кто-нибудь.

Михалыч потянулся к ключу зажигания.

— А добро... Добро в мире тоже есть. Только оно не такое громкое. Оно не орет со сцены и не машет флагами. Оно не носит галстуков. Оно вот такое, — он кивнул на пустой пакет из-под еды. — В виде холодного пирожка. Или лишнего места в кабине. Или в том, чтобы просто не отвернуться, когда человек под колеса падает.

Двигатель взревел, наполняя кабину спасительной вибрацией. Михалыч включил передачу.

— Тетрадку спрячь. И никому больше не показывай. Это твой щит, но это и твоя смерть, если не в те руки попадет.

Аня бережно забрала тетрадь и снова спрятала ее под свитер. Тягач медленно вырулил со стоянки кафе, набирая скорость на заснеженной трассе.

Они ехали молча около часа. Аня переваривала слова Михалыча. Впервые за долгое время она встретила взрослого, который не пытался ее судить, не навешивал ярлыков и не читал моралей. Его философия была простой, как

гаечный ключ, и такой же надежной. Он не обещал спасти мир, он просто делал то, что было в его силах здесь и сейчас.

Рация над головой Михалыча внезапно ожила, разразившись треском статических помех.

— Внимание по каналу, — прохрипел искаженный голос другого дальнобойщика. — На сто сороковом километре, у моста, «машинки» работают. Тормозят всех подряд. Шмон конкретный, с собаками. Аккуратнее, братишки.

Михалыч нахмурился. Он бросил взгляд на одомер.

— Сто тридцать пятый, — констатировал он. — Через пять километров пост.

Аня почувствовала, как ледяная рука страха снова сжала ее внутренности. «Тормозят всех подряд». Это из-за нее. Интернат обнаружил пропажу. Они подняли тревогу.

— Михалыч... — ее голос дрогнул. — Что делать? Может, я выйду?

— Сидеть! — рявкнул он так резко, что Аня вжалась в кресло. И не вздумай под сиденье прятаться или лицо закрывать. Менты не дураки, они страх за версту чувствуют. Если увидят, что ты прячешься — вывернут всю кабину.

Он сбавил скорость.

— Слушай меня внимательно. Ты — моя племянница. Дочка сестры из соседнего города. Едем ко мне в гости. Тебя укачало, ты спишь. Глаза закрой, дыши ровно. И ради Бога, не трясись.

Впереди, сквозь пелену падающего снега, замигали проблесковые маячки. Красно-синие вспышки отражались от белого полотна дороги, создавая тревожную, пульсирующую атмосферу. Пост ДПС располагался перед узким мостом через замерзшую реку. На обочине стояли три патрульные машины. Несколько инспекторов в светоотражающих жилетах останавливали поток, проверяя документы у водителей легковушек и заглядывая в салоны.

Фура Михалыча медленно подкатилась к зоне контроля. Пневматические тормоза громко выдохнули.

К кабине направился высокий инспектор. Его лицо было красным от мороза, из-под шапки-ушанки выбивались светлые волосы. Он поднял жезл, указывая Михалычу принять вправо.

Аня закрыла глаза, откинув голову на спинку кресла. Сердце колотилось так громко, что ей казалось, инспектор услышит его стук снаружи. Она заставила себя дышать медленно: вдох, выдох. Вдох, выдох.

Михалыч опустил боковое стекло. В кабину ворвался ледяной ветер.

— Здравия желаю, капитан Волков, — раздался строгий, уставший голос инспектора. — Документы, путевой лист.

Михалыч спокойно протянул пластиковую папку.

— Здорово, командир. Что за суета с утра пораньше? План горите или ищите кого?

Волков взял документы, бегло пролистал их, сверяя номера.

— Ориентировка пришла, — неохотно ответил инспектор. — Девчонка из спецучреждения сбежала. Лет четырнадцать, рыжая. Опасная, говорят. Не подвозил никого?

Аня перестала дышать. Одно слово Михалыча, один кивок головы — и все закончится.

— Да какие попутчики в такую погоду, командир, — усмехнулся Михалыч, его голос звучал абсолютно расслабленно, без малейшей ноты напряжения. — Я пустой иду, на загрузку.

Волков посветил фонариком в кабину. Луч света скользнул по приборной панели, по спальнику и остановился на лице Ани. Девочка зажмурилась сильнее, стараясь не выдать дрожь век.

— А это кто? — голос инспектора стал жестче.

— Племянница моя, — Михалыч тяжело вздохнул, изображая раздражение уставшего родственника. — Сестра удружила, попросила до города добросить. А девку укачало с непривычки, всю дорогу спит. Вон, бледная как поганка.

Волков еще несколько секунд светил ей в лицо. Аня чувствовала тепло от луча фонаря на своей коже. Это были самые длинные секунды в ее жизни. Она

ждала, что сейчас прозвучит команда «Выйти из машины». Ждала звука открывающейся двери.

Но инспектор опустил фонарик. Он знал Михалыча. Они виделись на этой трассе не первый год. Старый дальнобойщик не был похож на человека, который будет укрывать беглых преступников.

— Ладно, Михалыч. Документы в порядке, — Волков протянул папку обратно. — Счастливого пути. И смотри в оба, мало ли кто на дорогу выскочит.

— Бывай, командир. Не мерзни тут.

Стекло с гудением поползло вверх, отсекая шум улицы. Михалыч плавно выжал сцепление, и тяжелая машина, натужно рыча, покатила по мосту, оставляя пост ДПС позади.

Аня открыла глаза только тогда, когда мигалки скрылись за поворотом. Она шумно выдохнула, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Мышцы, сведенные судорогой напряжения, начали болезненно расслабляться.

— Проехали, — коротко констатировал Михалыч.

Он не стал обсуждать случившееся. Не стал требовать благодарности за то, что только что рискнул своей свободой ради нее. Для него это было тем самым «тихим добром», о котором он говорил. Действием, не требующим аплодисментов.

Спустя полчаса, когда трасса снова стала пустой и монотонной, Михалыч потянулся к бардачку. Он порылся в бумагах, запасных предохранителях и мотках изоляции, и вытащил на свет старый, потертый кнопочный телефон. Корпус был поцарапан, краска на кнопках стерлась, но аппарат выглядел надежным, как кирпич. Следом он достал из кармана рубашки пластиковую карточку с выломанной сим-картой.

— Держи, — он протянул телефон Ане. — Аппарат древний, зато заряд неделю держит. Это конечно не ваши новые лопаты с экранами, на первое время пойдет.

Аня неуверенно взяла телефон. Пластик был теплым от рук водителя.

— Мой номер там вбит. Подписан как «Дядя Миша».

Он посмотрел на нее долгим, серьезным взглядом.

— Я не смогу нянчиться с тобой вечно. У меня рейс, сроки. Я высажу тебя перед городом, на обьездной. Дальше сама. Но если... если поймешь, что выхода нет — звони. Придумаем что-нибудь.

Аня смотрела на маленький черный прямоугольник в своих руках. Это был не просто кусок пластика и микросхем. Это была связь с миром. Это была гарантия того, что она больше не одна в этой ледяной пустоте.

За окном продолжал падать снег, укрывая землю белым, чистым саваном. Фура неслась вперед, разрезая пространство. Аня прижала телефон к груди, туда, где под свитером лежала тетрадь с именами. Она не знала, что ждет ее в чужом городе. Не знала, как будет прятаться от камер и людей в форме. Но сейчас, слушая ровный гул мотора и глядя на суровый профиль Михалыча, она чувствовала, что у нее появился шанс. Шанс не стать «чистым листом». Шанс рассказать правду о громком зле, которое вырезает людей, и о тихом добре, которое спасает их на заснеженных трассах.

Глава 5. Искусство мимикрии

Аня сидела за длинным деревянным столом, покрытым слоями засохшей краски всех мыслимых оттенков, и методично, движение за движением, наносила тонкий растительный орнамент на край керамической тарелки.

Кисть — тонкая, колонковая, номер «единица» — порхала над белой глазурью с механической точностью. Листок, завиток, бутон. Листок, завиток, бутон. Ее рука не дрожала. Художественная школа, когда-то казавшаяся просто детским увлечением, теперь превратилась в единственный инструмент выживания.

Мастерская по росписи сувенирной посуды располагалась в цокольном этаже старой хрущевки на окраине безымянного для нее, чужого мегаполиса. Это был классический теневой бизнес, невидимый для налоговой, санитарных

инспекций и миграционных служб. Владелица, грузная женщина с вечно недовольным лицом по имени Тамара Ильинична, гнала дешевый ширпотреб для привокзальных ларьков и сувенирных лавок. Ей нужны были рабочие руки, а не документы.

Аня помнила свой первый день здесь, несколько месяцев назад. Она пришла по объявлению, наклеенному на водосточной трубе. Тамара Ильинична окинула взглядом худую, бледную девчонку в мешковатой одежде, хмыкнула и сунула ей в руки нерасписанную кружку и кисть. «Покажи, что умеешь. Испортишь — вычту из зарплаты, которой у тебя еще нет». Аня тогда не сказала ни слова. Она просто села и за десять минут вывела идеальный, сложный геометрический узор, ни разу не сбившись с ритма.

— Паспорт есть? — спросила тогда хозяйка, прищурившись.

— Нет, — тихо, но твердо ответила Аня. — Потеряла. Восстанавливать долго. Мне нужны деньги. Наличными.

— Мне плевать на твой паспорт, — отрезала Тамара Ильинична. — Плачу за выработку. В конце недели. Своруешь краску или посуду — ноги переломаю. Вопросы?

Вопросов не было. Так Аня стала частью этого пыльного, пропахшего химией конвейера. Вместе с ней в подвале работали еще три человека: пожилая женщина, которая постоянно бормотала себе под нос молитвы, и двое урюмых парней из Средней Азии, занимавшихся обжигом и погрузкой. Никто ни с кем не разговаривал по душам. Никто не спрашивал фамилий. Это было идеальное место для тех, кто хотел исчезнуть.

Аня закончила тарелку, аккуратно отставила ее на стеллаж для сушки и взяла следующую. Белый, пустой круг. Чистый лист. Она ненавидела это словосочетание, но здесь, в подвале, оно обретало иной смысл. Здесь она была хозяйкой этого чистого листа. Она решала, что на нем появится.

Искусство мимикрии стало ее второй натурой. Она поняла главное правило выживания в большом городе: чтобы тебя не заметили, нужно стать абсолютно обыденной. Не прятаться по углам, вызывая подозрения, а слиться с фоном. Стать серой, невыразительной деталью городского пейзажа.

В шесть вечера смена заканчивалась. Аня получала из рук Тамары Ильиничны несколько смятых купюр — свой дневной заработок — и выходила из подвала в сгущающиеся сумерки.

Город встречал ее гулом машин, неоновыми вывесками и пронизывающим ветром. Для обычных людей этот мегаполис был местом возможностей, для Ани — минным полем. Она разработала для себя строгий, непререкаемый свод правил перемещения.

Первое и главное правило: избегать зон с камерами распознавания лиц.

Она никогда не спускалась в метро. Камеры на станциях, новые турникеты с биометрическими модулями и общая система видеонаблюдения были для нее непреодолимой стеной. Она не пользовалась автобусами, где над дверями и в салоне могли смотреть объективы камер видеонаблюдения. Она ходила пешком. В любую погоду, в снег и дождь, она преодолевала семь километров от мастерской до своего жилья, выстраивая маршрут через проходные дворы, узкие переулки и старые гаражные кооперативы.

Одежда была ее броней. Никаких ярких цветов. Темно-серая куртка, купленная на вещевом рынке за копейки, черные джинсы, стоптанные ботинки. На голове — объемная вязаная шапка, надвинутая по самые брови. На лице — широкая медицинская маска. В эпоху после недавних эпидемий человек в маске не вызывал вопросов, зато она надежно скрывала нижнюю треть лица, снижая шанс уверенного распознавания.

Однажды, около месяца назад, ее система дала сбой. Аня шла своим привычным маршрутом через сквер имени Баумана. Это была тихая, плохо освещенная аллея, где обычно гуляли только собачники. Она шла, опустив голову, погруженная в мысли о вечерней работе, когда краем глаза уловила неестественный блеск на столбе впереди.

Она замерла. На старом бетонном столбе, прямо над пешеходной дорожкой, висела новенькая, еще пахнущая заводским пластиком камера. Ее установили буквально сегодня днем. Красный индикатор на корпусе ровно пульсировал, выдавая работающую электронику.

Сердце забило о ребра, как птица в клетке. Она сделала единственно верное движение. Не меняя темпа шага, она достала из кармана дешевый

кнопочный телефон, поднесла его к уху и, имитируя оживленный разговор, резко свернула с асфальтированной дорожки прямо в глубокий, грязный сугроб, уходя за ствол раскидистого тополя. Она пробиралась через кусты, царапая лицо о голые ветки, пока не оказалась на параллельной улице. С тех пор этот сквер был навсегда вычеркнут из ее карты безопасных маршрутов.

Она шла по городу, словно призрак. Она видела патрульные машины, медленно ползущие вдоль обочин, видела полицейских, проверяющих документы у курьеров возле станций метро. Каждый раз, замечая форму, она заставляла себя не ускорять шаг. Дышать ровно. Смотреть сквозь них. Страх был ее постоянным спутником, он жил где-то под ребрами, свернувшись тугим, ледяным комком. Но она научилась не позволять ему вырываться наружу.

Ее путь заканчивался в спальном районе, застроенном одинаковыми, облупившимися панельными девятиэтажками. Здесь, на пятом этаже одного из домов, находилось ее убежище.

Это была даже не квартира, а комната в убитой коммунальной трешке. Хозяйка, баба Шура, женщина неопределенного возраста с пропитым, одутловатым лицом и вечной папиросой в зубах, сдавала эту комнату посуточно или помесечно тем, кому отказывали в приличных местах. Гастарбайтерам, студентам, отчисленным из общежития, сомнительным личностям.

Когда Аня впервые пришла сюда, сжимая в кармане заработанные в мастерской наличные, баба Шура только хрипло закашлялась.

— Десять тысяч в месяц. Деньги вперед. Свет и вода сверху, — проскрипела она, стряхивая пепел прямо на засаленный линолеум в коридоре. — Договоров не пишу. Ментов приведешь — вышвырну с вещами.

Аня молча отсчитала купюры. Баба Шура слюнявым пальцем пересчитала деньги, сунула их в карман застиранного халата и бросила на тумбочку кривой латунный ключ.

Комната была крошечной, три на четыре метра. Выцветшие обои в цветочек отходили от стен целыми пластами. Из мебели — продавленный диван, шаткий стол у окна и колченогий стул. В углу стоял старый, гудящий как трактор холодильник «Свияга». Пахло пылью, старым жиром и безысходностью.

Но для Ани это место стало крепостью. В первый же день она купила в хозяйственном магазине врезной замок и сама, орудуя одолженной у соседей стамеской, установила его в хлипкую деревянную дверь. Только повернув ключ на два оборота и задвинув внутреннюю щеколду, она могла позволить себе расслабиться.

Сегодняшний вечер не был исключением. Аня вошла в комнату, заперла дверь, прислушалась к звукам в коридоре. Где-то за стеной бубнил телевизор, на кухне капала вода из неисправного крана. Обычный коммунальный фон.

Она сняла промокшие ботинки, переделась в сухой свитер и включила настольную лампу. Желтый, тусклый свет выхватил из полумрака поверхность стола.

Наступило время ее второй, тайной работы. Той, ради которой она выживала.

Аня подошла к дивану, отодвинула его от стены. В самом низу, под плинтусом, была аккуратно выпилена небольшая ниша, закрытая куском старого линолеума. Она достала оттуда плотный пластиковый пакет.

Внутри лежала ее старая тетрадь из интерната. Та самая, с растрепанной картонной обложкой, исписанная огрызком простого карандаша. Тетрадь, которую она пронесла на своей груди через ночной лес и ледяную трассу.

Аня бережно положила ее на стол. Рядом легла новая покупка — толстая, на четыреста страниц, канцелярская книга в жестком черном переплете и упаковка черных гелевых ручек.

Она открыла старую тетрадь. Карандашные записи начали тускнеть. Бумага, впитавшая ее пот и влагу ночного леса, пошла волнами и стала хрупкой. Аня понимала, что этот носитель недолговечен. Если она хочет, чтобы правда выжила, ее нужно перенести на что-то более надежное. Ее нужно превратить из обрывочных заметок испуганного ребенка в структурированный, неопровержимый документ. В рукопись.

Она открыла черную книгу на первой странице. Взяла ручку. Чернила легли на белоснежную бумагу ровным, контрастным следом.

Она не просто копировала данные. Она расшифровывала их, дополняла деталями, которые хранила в памяти, выстраивала хронологию. Она писала книгу о механизме уничтожения.

«Запись от 14 ноября. Объект: Денис, 7 лет. Третья группа. Отличительные признаки: шрам на левой брови, дефект речи (не выговаривает букву “р”). Родственников нет».

Аня писала медленно, выводя каждую букву. В тишине комнаты был слышен только скрип шарика по бумаге.

Она перевернула страницу старой тетради. На нее смотрел набросок лица Сережи из пятой группы. Мальчика с вечно текущим носом, которого забрали первым.

Аня закрыла глаза, вызывая в памяти ту ночь. Она помнила не только факт его исчезновения. Она помнила контекст.

Она начала писать новую главу.

«Подготовка к изъятию начинается за несколько недель. Система тестирует ребенка на наличие социальных связей. В случае с Сергеем (5 группа), за месяц до исчезновения директор интерната Зинаида Павловна инициировала проверку его личного дела. Воспитателям было поручено фиксировать любые звонки или письма на его имя. Их не было. Ребенок был признан абсолютно изолированным. Это главное условие работы алгоритма. Они никогда не берут тех, кого могут начать искать. Они вычищают не больных, а одиноких».

Рука Ани напряглась. Писать об этом было физически больно. Каждое слово возвращало ее в те холодные коридоры.

Она описывала медицинский изолятор. Старшую медсестру Антонину Васильевну и ее белые таблетки. Она подробно, с пугающей медицинской точностью, фиксировала изменения в поведении детей после «терапии». Как стекленели их глаза, как замедлялась речь. Она объясняла, что это был этап подавления воли перед транспортировкой. Ребенок, одурманенный препаратами, не кричал, не сопротивлялся, не привлекал внимания случайных свидетелей, когда его вели к черной машине у заднего двора.

Это была анатомия преступления, разложенная по полочкам умом художника, привыкшего замечать мельчайшие детали.

Внезапно тишину коммунальной квартиры разорвал резкий, требовательный стук во входную дверь.

Аня вздрогнула так сильно, что ручка чиркнула по бумаге, оставив длинный черный след. Она мгновенно выключила настольную лампу. Комната погрузилась во мрак, освещаемая лишь тусклым светом уличного фонаря, пробивающимся сквозь грязное стекло.

Стук повторился. Громче, настойчивее.

— Открывайте! Полиция! Проверка паспортного режима! — раздался из коридора густой, властный мужской голос.

Аня перестала дышать. Кровь отхлынула от лица, пальцы судорожно вцепились в края стола. Полиция. Здесь.

Она слышала, как в коридоре зашаркали тапочки бабы Шуры. Щелкнул замок входной двери.

— Чего надо на ночь глядя? — недовольно проскрипела хозяйка.

— Участковый инспектор капитан Смирнов, — голос звучал сухо и официально. — Поступил сигнал от соседей снизу. Шум, посторонние лица. Кто проживает в квартире? Документы приготовьте.

Аня бесшумно соскользнула со стула на пол. Она схватила со стола черную книгу, старую тетрадь и ручки. На четвереньках, стараясь не скрипнуть ни одной половицей, она поползла до дивана. Засунула пакет с рукописью обратно в нишу под плинтусом, задвинула кусок линолеума.

Тяжелые шаги участкового раздались в коридоре. Он шел по квартире.

— В этой комнате кто? — спросил он, и Аня поняла, что он стоит прямо за ее тонкой деревянной дверью. Она видела полоску света под порогом, которую перекрыли тени от его массивных ботинок.

— Там? Да никто там не живет, — голос бабы Шуры звучал на удивление спокойно, даже лениво. — Племянник мой жил, студент. Съехал неделю назад. Закрыто там.

— Ключ есть? Откройте.

Аня вжалась в пол, закрыв рот обеими руками, чтобы не вырвался даже звук дыхания. Если баба Шура сейчас достанет запасной ключ... Если дверь откроется... У нее нет паспорта. У нее нет регистрации. Ее заберут в отделение для выяснения личности. Снимут отпечатки пальцев. Пробьют по базе. И система, от которой она так тщательно пряталась, сомкнет свои челюсти.

— Да какой ключ, командир, — баба Шура раздраженно звякнула чем-то в кармане. — Он, паразит, ключ с собой увез. Замок менять надо. Говорю же, пустая комната. Вон, пылица под дверью. Пошли на кухню, я тебе паспорт свой покажу, и квитанции за свет. Чего к пустой двери пристал?

Повисла тяжелая, звенящая пауза. Аня слышала, как потрескивает рация на поясе участкового. Слышала его тяжелое дыхание. Он стоял в тридцати сантиметрах от нее, разделенный лишь куском старого дерева.

— Ладно, — наконец произнес полицейский. Тени от его ботинок исчезли из-под порога. Шаги начали удаляться в сторону кухни. — Показывай свои квитанции. И чтоб тихо мне тут было. Еще один вызов — составлю протокол за нарушение тишины.

Аня лежала на холодном линолеуме еще полчаса после того, как хлопнула входная дверь и шаги участкового стихли на лестнице. Ее трясло. Мышцы свело судорогой от напряжения.

Она медленно поднялась на ноги. Подошла к окну и выглянула из-за края занавески. Внизу, во дворе, мигнули фары полицейского УАЗика, и машина медленно выехала со двора, растворяясь в ночном городе.

Баба Шура ее не сдала. Не из благородства, конечно. Просто старой женщине не нужны были проблемы с незаконной сдачей жилья и налогами. Ее жадность стала для Ани лучшим щитом.

Девочка вернулась к столу. Включать лампу она не стала. В тусклом свете уличного фонаря она снова достала свою рукопись из тайника.

Она провела рукой по гладкой черной обложке. Этот инцидент не напугал ее до состояния оцепенения, как это было раньше. Наоборот, он принес странное, холодное осознание.

Ее мимикрия работает. Она научилась быть никем. Пустым местом за запертой дверью. Пылью под порогом.

Днем она расписывала тарелки, покрывая серую глину яркими красками, создавая иллюзию красоты для чужих людей. Ночью она счищала эту краску с реальности, обнажая уродливый, страшный каркас системы.

Аня открыла книгу на той странице, где ее прервали. Черта от дернувшейся ручки перечеркивала абзац. Она не стала ее замазывать. Пусть останется. Как шрам. Как доказательство того, в каких условиях создавался этот текст.

Она взяла ручку и продолжила писать.

Она писала о том, как система использует бюрократию в качестве оружия. Как отсутствие бумажки — свидетельства о рождении, паспорта, справки — делает человека несуществующим в глазах государства. Как легко стереть того, кого нет в базах данных.

Она описывала логистику. Как машины подъезжали всегда с выключенными фарами. Как водители никогда не выходили из-за руля, оставляя всю работу сопровождающим в костюмах. Это была отлаженная, бесперебойная машина по переработке человеческих судеб.

Страница за страницей, черная книга заполнялась убористым, аккуратным почерком. Аня переносила в нее не только факты, но и свою боль, свою ярость, свою память. Она превращала свой страх в слова, а слова — в оружие.

Она не знала, как и когда эта книга увидит свет. Она не знала, кто ее прочитает. У нее не было плана публикации, не было связей в издательствах или интернете. У нее была только абсолютная, непоколебимая уверенность в том, что эта работа должна быть сделана.

Город за окном постепенно затихал, погружаясь в глухой, предрассветный сон. Редкие машины проносились по мокрому асфальту, разбрызгивая грязные лужи. Камеры на перекрестках продолжали мигать красными диодами, фиксируя пустые улицы. Система работала, сканируя пространство в поисках аномалий.

Но система была слепа. Она искала лица, паспорта, цифровые следы. Она не могла заглянуть в темную комнату на пятом этаже коммуналки, где за шатким столом сидела рыжая девочка-подросток.

Аня поставила точку в конце очередной главы. Она подула на страницу, чтобы чернила быстрее высохли. Черный, блестящий след гелевой ручки впитался в бумагу, становясь матовым, вечным. Она закрыла книгу, провела ладонью по жесткому переплету и посмотрела в окно, на занимающийся над бетонными коробками серый, холодный рассвет. Рукопись росла, набирая вес и силу, превращаясь в бомбу замедленного действия, тихо тикающую в самом сердце равнодушного города.

Глава 6. Сигнал из прошлого

Сто сорок две тысячи восемьсот рублей.

Купюры лежали на продавленном диване неровными, разноцветными стопками. Здесь были затертые до состояния мягкой ткани сотенные бумажки, хрустящие пятитысячные, которые Аня разменивала в неприметных ларьках на окраине, и тяжелые горсти железных десятков.

Два года. Почти два года непрерывной, монотонной работы в полуподвальной мастерской Тамары Ильиничны. За это время Аня превратилась из испуганного подростка в тень, идеально вписавшуюся в экосистему большого города. Ее рыжие волосы, когда-то яркие и непослушные, теперь были коротко острижены и скрыты под неизменной темной шапкой. Кожа на пальцах огрубела, подушечки покрылись микроскопическими трещинами от постоянного контакта с едкими растворителями и акриловыми красками. Она научилась расписывать по пятьдесят сувенирных тарелок за смену, двигая кистью с механической точностью промышленного робота.

Каждая расписанная тарелка, каждая проданная кружка конвертировались в эти бумажки на диване. Аня отказывала себе во всем. Вся ее жизнь была

подчинена одной-единственной цели, которая теперь лежала на шатком столе у окна.

Рукопись.

Она больше не была просто набором разрозненных записей в старой школьной тетради. За два года ночной работы Аня превратила свои обрывочные воспоминания, зарисовки и зафиксированные номера машин в структурированный, леденящий душу документ. Чтобы перевести текст в цифровой формат, ей пришлось пойти на риск: на радиорынке, у мрачного продавца с золотыми зубами, она купила за семь тысяч рублей старый ноутбук. У него не работала батарея, экран мерцал желтоватыми полосами, а модуль Wi-Fi был физически выломан из материнской платы — идеальная, абсолютно изолированная от внешнего мира печатная машинка.

Каждую ночь, задернув плотные шторы, она вбивала текст. Клавиши залипали, жесткий диск нутужно щелкал, грозя умереть в любую секунду, но Аня методично переносила анатомию системы на жесткий диск. Она назвала файл просто: «Хроника».

Теперь текст был готов. Двести сорок страниц убористого шрифта. Но написать правду — это даже не половина дела. Правду нужно было размножить.

Неделю назад Аня нашла то, что искала. В промзоне, заброшенной еще в начале нулевых, среди складов автомасел и пунктов приема металлолома, располагалась полулегальная типография. Ее владелец, тучный мужчина по имени Жора, печатал рекламные буклеты для сомнительных контор, этикетки для контрафактного алкоголя и предвыборные листовки для местных депутатов. Ему было абсолютно плевать на содержание текста. Его интересовала только предоплата наличными.

— Триста экземпляров, мягкий переплет, бумага офсетная, восьмидесятка, — скучающим голосом перечислил Жора, не глядя на Аню, когда она пришла к нему на разведку. — Обложка черно-белая, без тиснения. Сто тридцать тысяч. Деньги на стол — через пять дней забираешь коробки. Без чеков, без накладных.

Аня посмотрела на разложенные по дивану деньги. Сто сорок две тысячи. Этого хватит на тираж, и еще останется на месяц аренды комнаты у бабы Шуры. Финансовая часть плана была выполнена.

Она сгребла купюры в плотный пластиковый пакет, замотала его скотчем и спрятала обратно в тайник под плинтусом. Затем подошла к окну, приоткрыла форточку, впуская в комнату морозный воздух поздней осени.

Тираж в триста экземпляров — это физический вес. Это несколько тяжелых картонных коробок. И именно здесь, на этапе распространения, план Ани упирался в глухую, непробиваемую бетонную стену.

Она прекрасно понимала, как работает информационная блокада. За два года жизни в мегаполисе она научилась читать между строк и видеть то, что система пыталась скрыть. Аня проводила свои собственные, тихие исследования. Она покупала дешевые городские газеты, смотрела выпуски местных новостей на старом телевизоре в коммунальной кухне и сопоставляла их с реальностью.

Один из таких случаев произошел прошлой зимой и навсегда лишил ее иллюзий относительно простого распространения информации. По дороге в мастерскую Аня стала свидетельницей стихийной забастовки. Около ста рабочих местного хлебокомбината перекрыли выездные ворота предприятия, требуя выплатить зарплату за полгода. Люди кричали, размахивали самодельными плакатами на кусках картона. Приехали полицейские автобусы, начались жесткие задержания. Аня наблюдала за этим из арки соседнего двора, вжимаясь в кирпичную кладку.

Вечером того же дня она специально вышла на кухню, чтобы посмотреть выпуск городских новостей. Диктор с безупречной улыбкой рассказывал о надоях, о ремонте теплотрасс и о подготовке к новогодним праздникам. О забастовке на хлебокомбинате не было сказано ни единого слова. Ни в этот день, ни на следующий. Сотня людей кричала на улице, их грузили в автозаки, но для информационного поля города этого события просто не существовало. Система проглотила инцидент, не поперхнувшись.

Этот микро-кейс стал для Ани жестоким уроком. Она поняла: если она просто напечатает свои триста книг и начнет оставлять их на скамейках в парках, подкидывать в почтовые ящики или раздавать у метро — эффект будет нулевым. Дворники выбросят их в мусор. Полиция изымет остатки. Ни одно издание не напишет об этом ни строчки. Система умеет игнорировать шепот. Чтобы

пробить эту звукоизоляцию, нужен был рупор. Нужен был человек внутри легального информационного поля, который сможет взять эту книгу и заставить людей посмотреть на нее.

Но у Ани не было таких людей. Она была абсолютно одна. Обратиться к любому официальному журналисту означало добровольно сунуть голову в петлю. Как только она принесет рукопись в редакцию, служба безопасности пробьет ее по базам. Отсутствие документов, вымышленное имя, камеры наблюдения — ее вычислят и сдадут тем самым людям в костюмах еще до того, как редактор дочитает первую главу.

Она стояла у окна, глядя на серые фасады панельных домов. Тупик. У нее есть оружие, но нет возможности нажать на спусковой крючок.

В коридоре хлопнула входная дверь. Послышалось тяжелое шарканье тапочек бабы Шуры и ее привычный, надрывный кашель. Хозяйка квартиры вернулась из магазина. Через минуту на кухне зашумела вода, звякнула эмалированная кастрюля, и включился старый, пузатый телевизор, который баба Шура никогда не выключала, создавая иллюзию присутствия других людей в своей пустой жизни.

Аня взяла со стола пустую кружку и вышла из комнаты. Ей нужно было заварить чай, просто чтобы согреть руки.

На кухне пахло вареным луком и дешевым табаком. Баба Шура сидела на табуретке, чистила картошку прямо в раковину и дымила папиросой. Телевизор, стоящий на холодильнике, транслировал вечерний выпуск новостей федерального канала.

Аня подошла к плите, чиркнула спичкой, поджигая конфорку под старым чайником. Она не смотрела на экран, погруженная в свои мысли о типографии и коробках с книгами.

— ...очередной вопиющий случай халатности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, — вещал поставленный баритон ведущего из студии. — Жители дома номер четырнадцать по улице Строителей уже третий год пытаются добиться капитального ремонта крыши. Выделенные из бюджета средства исчезли в неизвестном направлении. На месте событий работает наш специальный корреспондент.

Картинка на экране сменилась. Вместо стерильной студии появился обшарпанный подъезд с облупившейся зеленой краской. В центре кадра стояла девушка с микрофоном. На ней было строгое бежевое пальто, волосы аккуратно уложены, лицо выражало профессиональную, холодную решимость.

— Мы находимся в том самом подъезде, где вчера вечером произошло обрушение потолочных перекрытий, — начала девушка. Ее голос был четким, уверенным, с легкой, едва заметной хрипотцой. — Управляющая компания «Вектор-Плюс» отказывается давать комментарии, ссылаясь на отсутствие руководства. Однако нам удалось получить доступ к финансовой документации...

Аня замерла. Спичка, которую она все еще держала в руке, догорела до самых пальцев, обжигая кожу, но девочка даже не поморщилась. Она медленно повернула голову к экрану.

Внизу появилась плашка с именем корреспондента: «Екатерина Волкова».

Чайник на плите начал тихо закипать, издавая нарастающий свист. Баба Шура что-то проворчала про воров-чиновников, бросая очередную картофелину в раковину. Но Аня ничего этого не слышала. Звуки коммунальной кухни исчезли, растворились, оставив только голос с экрана.

Лицо девушки изменилось. Ушли детские припухлости щек, взгляд стал жестким, взрослым. Но разрез глаз, упрямая линия подбородка и эта характерная привычка чуть вздергивать левую бровь, когда она задавала неудобный вопрос...

Это была Катя.

Та самая Катя из соседнего подъезда в Новосибирске. Девочка с вечно сбитыми коленками. Девочка, с которой они сидели на корточках в кустах сирени, прячась от дворника.

На экране телевизора Катя уверенно шагнула навстречу тучному мужчине в кожаной куртке, который пытался закрыть лицо папкой и быстро пройти к припаркованному автомобилю.

— Виктор Сергеевич! — голос Кати разрезал шум улицы. Она преградила ему путь, сунув микрофон почти в самое лицо. — Как вы объясните перевод

двадцати миллионов рублей на счета фирмы-однодневки за день до обрушения крыши? Вы понимаете, что под завалами могли погибнуть дети?

Мужчина грубо оттолкнул микрофон, буркнул «без комментариев» и скрылся в салоне внедорожника. Катя повернулась к камере. В ее глазах горела неподдельная, яростная злость. Это была не просто отработка редакционного задания. Она действительно ненавидела то, что видела.

— Как мы видим, ответов у руководства нет, — жестко подытожила она. — Но мы продолжим следить за ситуацией и направим соответствующие запросы в прокуратуру. Екатерина Волкова, специально для вечернего выпуска.

Сюжет закончился. Началась реклама средства от боли в суставах.

Аня стояла посреди кухни, не в силах сделать вдох. Кружка в ее руке мелко дрожала, ударяясь о металлическую поверхность плиты.

— Ты чего застыла? Вода выкипит сейчас, — хрипло окликнула ее баба Шура, вытирая руки о фартук.

Аня резко развернулась, бросила кружку на стол и, не сказав ни слова, выбежала из кухни. Она влетела в свою комнату, захлопнула дверь, повернула ключ на два оборота и задвинула щеколду. Прислонившись спиной к тонкому дереву, она медленно сползла на пол.

Сердце колотилось так, словно она только что пробежала несколько километров. В голове бушевал ураган.

Катя. Журналистка. На федеральном канале.

Это была не просто случайность. Это была та самая брешь в информационной блокаде, которую Аня искала. Человек с микрофоном, человек с доступом к аудитории, человек, который не боится задавать вопросы чиновникам и лезть в финансовые документы.

Но вместе с надеждой пришел парализующий страх.

Прошло много лет. Люди меняются. Система ломает и пережевывает идеалистов. Да, сейчас Катя гоняется за вороватыми директорами управляющих компаний. Это безопасно, это одобряется сверху — борьба с мелкими перегибами на местах. Но то, что написала Аня в своей «Хронике», — это не

украденные деньги на ремонт крыши. Это алгоритм уничтожения людей. Это обвинение в адрес тех, кто носит дорогие костюмы и выступает в роли экспертов, формирующих государственную политику.

Если Аня выйдет на связь, она раскроет себя. Она нарушит главное правило мимикрии. Если Катя испугается, если она решит, что карьера важнее детской дружбы, если она просто передаст информацию в службу безопасности канала — за Аней придут в тот же день. Баба Шура даже не успеет понять, кто выломал дверь в ее коммуналку.

Аня поднялась с пола и подошла к столу. Она открыла ящик и достала оттуда старый кнопочный телефон. Тот самый, который дал ей Михалыч в кабине фуры. Аппарат лежал здесь два года, выключенный, завернутый в целлофановый пакет. Батарея давно села.

Она нашла зарядное устройство, воткнула его в расшатанную розетку. Экран телефона мигнул тусклым желтым светом, показывая процесс зарядки.

Связаться с Катей напрямую было невозможно. Звонить в редакцию телеканала — безумие. Все входящие звонки фиксируются, номера определяются.

Оставался только один путь. Физический. Аналоговый. Тот, который система, помешанная на цифровом контроле, часто упускает из виду.

Обычная почта.

Аня знала адрес. Она помнила его наизусть, потому что это был адрес ее детства. Новосибирск, улица Ленина, дом сорок два, квартира восемнадцать. Там жили родители Кати. Если они не переехали, письмо попадет к ним в почтовый ящик. А они уже передадут его дочери.

Но что написать в письме?

«Привет, это Аня, я сбежала из интерната, у меня есть компромат на тех, кто сажает людей?»

Письмо может вскрыть кто угодно. Почтальон, любопытные соседи, сами родители Кати, которые могут испугаться и отнести бумагу в полицию. Текст должен быть абсолютно прозрачным для чужих глаз. Он не должен содержать

ни имен, ни фактов, ни просьб о помощи. Он должен быть бессмысленным набором символов для всего остального мира.

И только один человек на планете должен понять его истинный смысл.

Аня села за стол. Она достала чистый лист плотной белой бумаги. Взяла черную гелевую ручку — ту самую, которой писала свою рукопись.

Она закрыла глаза, возвращаясь в тот солнечный день во дворе. Густые кусты сирени. Алюминиевая ложка, ковыряющая влажную землю.

Она открыла глаза и начала рисовать.

Ее рука, привыкшая выводить идеальные орнаменты на керамике, двигалась уверенно и быстро. В центре листа появился контур. Это был не просто абстрактный рисунок. Аня с фотографической точностью воспроизвела форму того самого осколка зеленого стекла, найденного возле гаражей. Она прорисовала неровные, сколотые края, блики света на гладкой поверхности.

Под стеклом она нарисовала смятую фольгу от конфеты «Кара-Кум». Она помнила узор на этой фольге, помнила, как Катя разглаживала ее пальцами. Рядом легли контуры маленького, увядающего одуванчика.

Рисунок занял половину листа. Он был выполнен в строгой графичной манере, без лишних деталей, но невероятно реалистично. Любой посторонний человек, взглянув на это, увидел бы просто странный натюрморт из мусора.

Под рисунком Аня написала только одно слово. Печатными, ровными буквами:

СЕКРЕТИК.

Ниже она добавила одиннадцатизначный номер телефона. Номер той самой сим-карты, которая сейчас стояла в заряжающемся кнопочном аппарате.

Больше на листе не было ничего. Ни подписи, ни обратного адреса, ни объяснений.

Аня сложила лист втрое. Достала из папки с документами стандартный почтовый конверт, купленный когда-то давно на всякий случай. Вложила письмо внутрь.

Она заклеила клапан, проведя по нему влажным пальцем. На лицевой стороне, в поле «Кому», аккуратно вывела: «Волковым. Для Кати». И заполнила адрес в Новосибирске. Поле «От кого» она оставила абсолютно пустым.

Конверт лежал на столе, белый и прямоугольный. Он весил всего несколько граммов, но для Ани он был тяжелее бетонной плиты. В этом куске бумаги была заключена ее жизнь. Если она отправит его, пути назад не будет. Механизм придет в движение.

Она посмотрела на экран старого телефона. Батарея зарядилась на два деления. Аня нажала кнопку включения. Аппарат завибрировал, экран засветился, требуя подождать. Через минуту в левом верхнем углу появились палочки уровня сигнала сети. Телефон был в сети. Он был готов принять звонок.

Аня надела свою серую куртку, натянула шапку и нацепила медицинскую маску. Сунула конверт во внутренний карман, поближе к сердцу.

Она вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Баба Шура все еще гремела посудой на кухне, телевизор продолжал бубнить голосами политиков и экспертов. Аня бесшумно повернула ключ во входном замке и выскользнула на лестничную клетку.

На улице шел мелкий, колющий снег. Ветер гнал по асфальту сухие листья и обертки. Город жил своей равнодушной, холодной жизнью.

Аня шла по своему выверенному маршруту, избегая освещенных перекрестков. Она знала, где находится ближайшее почтовое отделение. Точнее, не само отделение, а синий металлический ящик для писем, висящий на стене старого продуктового магазина в трех кварталах от ее дома.

Она подошла к магазину. Синий ящик с гербом Почты России висел криво, покрытый слоем ржавчины и граффити. Узкая щель для писем казалась черной пастью.

Аня остановилась. Ветер трепал полы ее куртки. Она достала конверт из кармана. Бумага слегка помялась, но адрес читался четко.

Она стояла так несколько минут, глядя на металлическую коробку. В голове проносились лица. Лицо отца, вдавленное в линолеум. Лицо Дениса, которого

уводили в ночь. Лицо Дворкина, вещающего с экрана об «опухоли». И лицо Кати, жестко требующей ответов от чиновника.

Аня сделала глубокий вдох, наполняя легкие воздухом.

Она подняла руку и протолкнула белый конверт в узкую щель.

Раздался тихий, сухой шорох бумаги, скользящей по металлу, а затем легкий стук — письмо упало на дно ящика, присоединившись к десяткам других посланий.

Аня отдернула руку. Дело было сделано. Сигнал отправлен. Теперь ей оставалось только ждать, сработает ли код, заложенный в детстве, или система уже успела стереть и эту память. Она развернулась и быстро зашагала прочь, растворяясь в снегопаде и тенях спального района, сжимая в кармане старый телефон, который впервые за два года был включен.

Глава 7. Раскопанная память

Гул серверов в монтажной аппаратной федерального телеканала сливался с монотонным бормотанием на экране. Катя Волкова, откинувшись в кресле, в десятый раз отсматривала исходники своего последнего репортажа. На мониторе тучный чиновник в кожаной куртке пытался закрыть объектив камеры пухлой папкой, спасаясь от ее неудобных вопросов о пропавших миллионах. Это была хорошая, крепкая журналистская работа. Понятная, одобряемая руководством, безопасная в своей предсказуемости. Злодей был локальным, проблема — решаемой на уровне выговора от вышестоящего начальства.

Ее мобильный телефон, лежащий на краю пульта, коротко завибрировал. На экране высветилось «Мама».

Катя нажала на паузу, заморозив перекошенное лицо чиновника, и сняла трубку.

— Да, мам. Я в монтажке, что-то срочное?

— Катюша, извини, что отвлекаю, — голос матери звучал растерянно, с легкой ноткой тревоги. — Тут письмо пришло. В наш почтовый ящик бросили. Без марок, без штемпеля. Просто белый конверт.

— И что внутри? Очередная реклама окон?

— Нет. На конверте написано «Волковым. Для Кати». Я вскрыла, подумала, может, из налоговой или штраф какой-то. А там... там странное.

Катя выпрямилась в кресле. Внутренний радар журналиста, привыкший выхватывать аномалии из повседневного шума, мгновенно включился.

— Что именно странное? Прочитай.

— Тут нечего читать, дочка. Один плотный белый лист. Странный рисунок, посередине печатными буквами написано одно слово: «Секретик». А под ним — цифры. Похоже на какие-то координаты. Пятьдесят пять градусов, одна минута...

Катя перестала дышать. Звук работающих кулеров в аппаратной внезапно исчез, вытесненный оглушительным стуком собственной крови в висках.

— Продиктуй цифры, — ее голос стал сухим и резким.

Она придвинула к себе клавиатуру, открыла новую вкладку в браузере и вбила строку в поисковик картографического сервиса. Мать медленно, сбиваясь, диктовала градусы, минуты и секунды. Катя нажала клавишу ввода.

Красный маркер на виртуальной карте стремительно полетел через всю страну, пересек Уральские горы, спикировал на карту Новосибирска, увеличил масштаб до сетки улиц и намертво впился в конкретную точку.

Улица Ленина. Двор ее детства. Угол между старыми кирпичными гаражами и разросшимся кустом сирени.

— Мам, я перезвоню, — Катя сбросила вызов, не дожидаясь ответа.

Она смотрела на красный маркер, и перед глазами всплывал не цифровой план города, а влажная, пахнущая дождевыми червями земля. Алюминиевая ложка. Осколок толстого зеленого стекла. И рыжая девочка с веснушками, которая серьезно говорит: «Никому не расскажем».

Аня.

Девочка, которая исчезла в жерновах системы много лет назад. После того как ее родителей увезли люди в черной форме, Аню отправили в интернат, и ее след затерялся. Катя пыталась искать ее, когда только начинала работать в журналистике, делала запросы в опеку, но получала лишь сухие отписки: «Переведена в другое учреждение», «Данные не подлежат разглашению».

И вот теперь, спустя годы, из этой глухой пустоты пришел сигнал. Точный, выверенный, бьющий в самую уязвимую точку памяти.

Катя схватила сумку, на ходу бросив дежурному режиссеру, что берет два дня за свой счет по семейным обстоятельствам. Через несколько часов она уже сидела в кресле самолета, летящего ночным рейсом в Толмачево.

Новосибирск встретил ее пронизывающим ветром и колючей снежной крупой. Катя не поехала к родителям. Она арендовала машину прямо в аэропорту, заехала в круглосуточный строительный магазин, где купила небольшую металлическую садовую лопатку и плотные рабочие перчатки, и направилась по знакомому до боли адресу.

Она припарковалась в соседнем дворе, чтобы не привлекать внимания. Время близилось к трем часам ночи. Город спал.

Двор ее детства изменился. Появилась новая детская площадка с ярким пластиковым покрытием, старые деревянные скамейки заменили на металлические, пространство заполнили припаркованные иномарки. Но угол у гаражей, заросший старой, узловатой сиренью, остался нетронутым — слепое пятно в плане благоустройства территории.

Катя подошла к кустам. Снег здесь лежал неровным слоем, прикрывая мерзлую, твердую как камень землю. Она опустилась на колени прямо в своем дорогом бежевом пальто, не обращая внимания на грязь. Включила фонарик на телефоне, зажав его в зубах, надела перчатки и вонзила металлическую лопатку в почву.

Земля не поддавалась. Мороз сковал ее, превратив в монолит. Катя била лопаткой, откалывая мелкие, ледяные куски. Дыхание вырывалось изо рта белыми облачками пара. Мышцы рук быстро заныли от непривычной нагрузки,

но она продолжала копать, расширяя небольшую воронку между толстыми корнями сирени.

Спустя двадцать минут лезвие лопатки скрежетнуло обо что-то твердое. Звук был не глухим, как от камня, а резким, стеклянным.

Катя отбросила инструмент и начала разгребать ледяную крошку пальцами. В свете фонарика блеснула зеленая грань. Она подцепила предмет и вытащила его на поверхность.

Это был тот самый осколок бутылочного стекла. Края его затупились от времени, поверхность покрылась мутным налетом, но это был он. Артефакт их детской клятвы.

Под стеклом не было ни фольги от конфеты, ни тетрадного листка — время и влага давно уничтожили их. Но на дне ямки, в небольшом углублении, лежал предмет, которого там быть не могло.

Небольшая, герметично закрученная пластиковая капсула желтого цвета. Такие обычно используют для хранения мелких рыболовных снастей или туристических спичек.

Катя сжала капсулу в ладони. Она была почти сухой, будто пролежала здесь совсем недолго. Ее закопали здесь гораздо позже их детской игры. Кто-то пришел в этот двор, раскопал их старый тайник, положил послание и снова засыпал землей. Уровень конспирации пугал. Это были методы не испуганного подростка, а человека, который годами учился прятаться от государства.

Она села в промерзший салон арендованной машины, включила печку на полную мощность и открутила крышку капсулы. Внутри лежал туго свернутый клочок бумаги. На нем был написан одиннадцатизначный номер телефона.

Катя достала свой рабочий смартфон. Пальцы, покрасневшие от холода, дрожали, когда она набирала цифры. Гудки шли долго. Один, второй, третий. Тишина ночного салона казалась оглушительной.

Щелчок. Соединение установлено.

На том конце провода молчали. Ни дыхания, ни фонового шума. Абсолютный, мертвый вакуум.

— Аня? — тихо спросила Катя.

Прошло еще несколько секунд, прежде чем из динамика раздался голос. Он был низким, лишенным каких-либо интонаций, сухим и настороженным.

— Ты пришла одна?

— Да. Я в машине, возле нашего двора. Аня, где ты? Что происходит? Я искала тебя...

— Не называй имен, — жестко перебил голос. — Никаких имен по телефону. Слушай и запоминай. Я не в этом городе. Тебе придется вернуться. Завтра, в восемнадцать ноль-ноль. Торговый центр «Европолис», третий этаж, зона фудкорта. Если придешь не одна — я не появлюсь.

— Подожди, я...

Связь оборвалась. Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам.

Катя опустила телефон. Журналист-расследователь внутри нее лихорадочно анализировал ситуацию. Аня находится в Москве. Но капсула закопана в Новосибирске. Значит, Аня либо проделала путь в шесть тысяч километров туда и обратно только ради того, чтобы оставить этот номер в безопасном месте, либо у нее есть надежные люди. И выбор места для встречи... Фудкорт.

Катя усмехнулась, оценив изящество решения. Любой оперативник скажет, что шумный, переполненный фудкорт огромного торгового центра — это кошмар для наружного наблюдения. Там сотни людей в верхней одежде, постоянно перемещающихся между столиками, что сводит с ума алгоритмы распознавания лиц. Там десятки выходов, лестниц, лифтов и служебных коридоров. Это идеальная среда для того, чтобы раствориться в толпе.

Следующим вечером Катя поднималась на эскалаторе на третий этаж московского торгового центра. Гул стоял такой, что приходилось повышать голос, чтобы услышать собеседника. Подростки сбивались в шумные стайки, семьи с детьми лавировали между рядами пластиковых столов, курьеры в ярких куртках ждали заказы у стоек выдачи.

Катя купила картонный стакан черного кофе, нашла свободный столик с хорошим обзором на поднимающиеся ленты эскалаторов и села. На ней был

неприметный серый свитер и джинсы — она инстинктивно попыталась слиться с окружением, оставив свое статусное пальто в машине.

Она смотрела на лица людей, поднимающихся на этаж. Прошло десять минут. Пятнадцать. Никого похожего на ту рыжую девочку из воспоминаний не было.

Внезапно стул напротив нее с тихим скрипом отодвинулся.

Катя вздрогнула. Напротив нее села девушка. На ней была объемная, выцветшая темно-серая куртка, скрывающая фигуру. Черная вязаная шапка была натянута почти до самых бровей. Нижнюю половину лица закрывала стандартная медицинская маска. Видны были только глаза.

Катя всмотрелась в эти глаза и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это были глаза старика, запертые в теле молодой девушки. В них не было ни радости от встречи, ни волнения. Только холодный, цепкий, сканирующий пространство расчет. Взгляд девушки непрерывно скользил по периметру фудкорта, фиксируя каждого проходящего мимо человека, каждую открывающуюся дверь.

Девушка стянула маску на подбородок. Лицо было бледным, осунувшимся, с резкими тенями под скулами. Веснушки, которые Катя так хорошо помнила, побледнели, слившись с серой кожей.

— Привет, — голос Ани был тихим, он едва пробивался сквозь шум торгового центра.

Катя подалась вперед, инстинктивно протягивая руки через стол.

— Господи, Аня... Ты жива. Я столько запросов отправила, я пыталась узнать...

Аня не ответила на жест. Она убрала руки под стол, сохраняя дистанцию.

Катя отдернула руки, почувствовав себя глупо. Она привыкла контролировать ход интервью, привыкла быть ведущей, задавать тон. Но здесь, за липким пластиковым столом, правила диктовала эта измученная, похожая на тень девушка.

— Кто «они», Аня? От кого ты прячешься? Я видела твой тайник. Я видела, как ты все обставила. Это паранойя или реальная угроза?

Аня посмотрела на нее долгим, немигающим взглядом.

— Ты делаешь репортажи про воров из ЖЭКа, Катя. Ты ловишь за руку чиновников, которые крадут деньги на ремонт крыш. Это хорошая работа. Но это песочница. Система позволяет тебе это делать, чтобы создавать иллюзию контроля.

Аня достала из-под куртки плотный, непрозрачный пластиковый пакет и положила его на стол между ними.

— То, от чего я прячусь, не ворует деньги. Оно ворует людей.

Катя посмотрела на пакет. Внутри угадывались очертания чего-то прямоугольного и тяжелого.

— Что там?

— Доказательства, — Аня придвинула пакет ближе к Кате. — Я видела твой сюжет по телевизору. Я видела, как ты вцепилась в того директора. У тебя есть доступ к эфиру. У тебя есть имя. У меня нет ничего. Я — пустое место. Человек без паспорта. Если я попытаюсь пойти в полицию или в редакцию, меня арестуют на первом же посту охраны.

Катя осторожно потянула за край пакета. Внутри лежали две вещи. Первой была толстая канцелярская книга в жестком черном переплете. Новая, тяжелая. Второй предмет заставил Катю затаить дыхание. Это была старая, истрепанная школьная тетрадь в клеточку. Ее картонная обложка пошла волнами от влаги, углы истерлись до состояния мягкой ваты.

Катя открыла старую тетрадь. Страницы были исписаны простым карандашом. Почерк был неровным, детским, торопливым. Но содержание заставило кровь застыть в жилах опытной журналистки.

На развороте был набросок. Силуэт черного седана, стоящего у кирпичной стены. Под ним — аккуратно выведенные цифры и буквы номерного знака. Рядом столбиком шли записи:

*«Витя. 2 группа. Увезли 14 декабря, 03:15. Машина седан, номер *****».*
«Денис. 7 лет. 3 группа. Увели 14 ноября, 02:30 ночи. Мужчина в костюме.
Сказали — на лечение».

Катя перелистывала страницы. Имена. Возраст. Даты. Номера машин. Описания людей в костюмах. Зарисовки лиц. Это был не просто дневник испуганного ребенка. Это был журнал учета преступлений, который велся прямо внутри системы.

— Они забирали только тех, кого некому было искать, — голос Ани звучал ровно, как у лектора, читающего материал. — Детей без родственников. Без социальных связей. Я называла их «чистыми листами». Система тестировала их на одиночество, а потом, ночью, приезжали машины.

Катя подняла глаза от тетради. Шум фудкорта внезапно отдалился, превратившись в неразборчивый белый шум.

— Куда их увозили?

— Я не знаю, — Аня покачала головой. — Моя задача была зафиксировать факт. Я сбежала в ту ночь, когда поняла, что стала следующим «чистым листом». Мои родители в тюрьме, родственников нет. Я идеально подходила под их алгоритм.

Аня кивнула на черную книгу.

— В старой тетради — сырые данные. То, что я успела записать карандашом. В черной книге — рукопись. Я потратила два года, чтобы расшифровать эти записи, выстроить хронологию и описать механизм. Как работает изолятор, как подавляют волю перед транспортировкой, как выбирают жертв.

— Аня, ты понимаешь, что это... — Катя запнулась, подбирая слова. — Если эти номера машин реальны, если эти даты совпадают с журналами интерната... Это организованная сеть. Это не один сумасшедший директор. Это структура.

— Я знаю, — Аня натянула маску обратно на лицо. Ее глаза снова начали сканировать толпу. — Я скопила деньги. У меня готов тираж этой книги, триста экземпляров. Они лежат в надежном месте. Но если я просто раздам их на улице, их выбросят в мусорку, а меня найдут через сутки. Мне нужен рупор. Мне нужен

человек, который возьмет эти данные, пробьет номера машин по базам, найдет связи и выведет это в легальное информационное поле.

Катя смотрела на подругу детства. Она видела перед собой человека, который пожертвовал всем — молодостью, безопасностью, нормальной жизнью — ради того, чтобы сохранить эту правду. Аня жила как призрак, работала в подвалах, пряталась от каждой камеры, только чтобы однажды передать эту черную книгу в нужные руки.

— Если я начну копать эти номера, — медленно произнесла Катя, — система безопасности канала увидит мои запросы. Если я попытаюсь пустить это в эфир, меня заблокируют на этапе редакции.

— Я не прошу тебя пускать это в эфир федерального канала, — отрезала Аня. — Я прошу тебя использовать твои навыки и доступы, чтобы подтвердить мои данные. А потом... потом мы ударим со всех сторон. Книга и твоё расследование. Одновременно.

Мимо их столика с грохотом прокатилась тележка уборщика, собирающего грязные подносы. Аня инстинктивно вжалась в стул, её рука скользнула в карман куртки. Катя заметила это движение. Это был рефлекс загнанного зверя.

Журналистка перевела взгляд на пакет с документами. Вся её карьера, все её репортажи про недобросовестных подрядчиков и мелких взяточников сейчас казались нелепой возней в песочнице, как и сказала Аня. Настоящее зло не пряталось в ЖЭКах. Оно ездило на черных седанах по ночам, забирая тех, за кого некому заступиться.

Катя молча взяла пластиковый пакет и опустила его в свою объемную кожаную сумку. Она посмотрела прямо в глаза Ане.

— Мне нужны сутки, чтобы пробить первую партию номеров через базы ГИБДД и налоговой, — голос Кати стал жестким, деловым. — Я найду, на кого зарегистрированы эти машины. Если там всплывут государственные структуры или частные фонды, связанные с теми экспертами, которые посадили твоих родителей... мы их уничтожим.

Аня едва заметно кивнула. Она не стала говорить слов благодарности. В их ситуации слова не имели веса. Имели вес только факты, записанные карандашом на пожелтевших страницах.

Девушка в серой куртке бесшумно поднялась из-за стола. Она не оглядывалась, не прощалась. Просто шагнула в плотный поток людей, идущих к эскалаторам, и через несколько секунд ее серая шапка растворилась в пестрой, шумной толпе торгового центра, словно ее здесь никогда и не было. Катя осталась сидеть за столиком. Вокруг нее продолжала кипеть жизнь: смеялись подростки, плакали дети, из динамиков лилась бодрая поп-музыка. Но для нее этот шум больше не существовал.

Глава 8. Алгоритм уничтожения

Мерцающий свет монитора выхватывал из полумрака пустой редакции напряженное лицо Кати. На часах было начало четвертого утра. Здание бизнес-центра давно погрузилось в сон, лишь гудели серверные стойки за стеклянной перегородкой да изредка щелкала мышь. На столе остывал третий за ночь бумажный стакан с кофе.

Перед журналисткой лежал раскрытый пластиковый пакет, переданный Аней на фудкорте и старая, истрепанная тетрадь с карандашными записями. Катя открыла закрытый редакционный досье-сервис и защищенный чат с источником, который раньше помогал ей проверять регистрационные данные автомобилей. Это был ее привычный инструмент, с помощью которого она вскрывала махинации управляющих компаний и мелких чиновников. Но сейчас ставки были иными. Она вбила в строку поиска номер черного седана, зафиксированный детской рукой.

Ответ пришел не сразу. Сначала — марка и модель. Потом — регион регистрации. Наконец источник прислал главное: автомобиль бизнес-класса числился за юридическим лицом. Владелец — ООО «Гарант-Безопасность».

Теперь Катя открыла СПАРК-Интерфакс и вбила название компании. Учредитель — некий Смирнов Игорь Валерьевич. Уставной капитал минимальный, десять тысяч рублей. Основной вид деятельности — предоставление охранных услуг. Журналистка начала раскручивать клубок связей, переходя от одной вкладки к другой. Смирнов числился соучредителем еще в трех некоммерческих фондах. Один из них назывался «Центр защиты семейных ценностей и духовного наследия».

Она открыла список членов правления этого фонда. Третья строчка сверху заставила ее резко выдохнуть. Там значилась фамилия человека, который регулярно выступал на федеральных каналах, клеймя религиозные меньшинства. Имя было слишком известным, чтобы Катя позволила себе мгновенный вывод. Александр Леонидович Дворкин — один из самых заметных публичных экспертов антисектантской среды.

Связь еще нельзя было назвать доказанной. Но цепочка выглядела тревожно: машина, охранное предприятие, фонд с идеологической повесткой, люди из антисектантской среды. Этого было достаточно, чтобы копать глубже. Механизм оказался пугающе простым и чудовищно циничным. Людей сначала лишали репутации, затем свободы, а потом — детей, имущества и права быть услышанными. Это уже не было борьбой за умы. Это напоминало промышленную схему отчуждения человеческой жизни.

Катя начала искать другие дела, связанные с РАЦИРС. В архивах судебных решений она наткнулась на историю перинатального центра «Рожана». Успешный коммерческий проект, приносивший солидный доход, внезапно подвергся массовой информационной атаке. В прессе появились статьи, называющие центр «сектой». Затем последовали проверки силовиков, арест основательницы и ее мужа.

Катя сопоставила даты. Травля «Рожаны» в СМИ, координируемая экспертами РАЦИРС, совпала с выходом на рынок крупной конкурирующей медицинской сети, чьи акции торговались на зарубежных биржах. Антикультисты просто выполняли заказ по устранению конкурентов, используя ярлык «тоталитарной секты» как инструмент рейдерского захвата. Они ломали судьбы и забирали бизнес, прикрываясь заботой о духовном здоровье нации. Официальные материалы говорили о совсем другом: о версии следствия,

насилии, отказе от медицинской помощи и обвинениях в создании объединения, деятельность которого была сопряжена с насилием. Но Катю интересовало не только то, как дело выглядело в пресс-релизах. Она видела слишком знакомый рисунок: сначала ярлык «секта», затем медийное давление, затем силовое вмешательство, а уже после — перераспределение доверия, клиентов, денег и влияния. Все это выглядело как коммерческий заказ. А сама технология стигматизации работала безотказно.

Цифровой след был тревожным, но для разгромной статьи одних выписок из корпоративных связей было мало. Кате требовалось физическое доказательство того, что происходило с детьми арестованных. Ей нужно было подтвердить записи из дневника Ани официальными документами интерната.

Утром следующего дня Катя стояла перед зеркалом в туалете редакции. Она смыла остатки макияжа, собрала волосы в строгий, тугой пучок. Вместо привычного стильного пальто на ней была купленная в военторге темно-синяя куртка, напоминающая форменную одежду, и строгая белая блузка. На шее болтался бейдж с гербом и надписью: «Главное управление пожарного надзора. Инспектор Волкова Е.А.». Удостоверение было поддельным. Катя понимала, что сама переходит черту, за которой журналистское расследование превращается в уголовный риск. Но после тетради Ани у нее уже не осталось иллюзий: официальным путем эти журналы ей никто не покажет.

Дорога до интерната заняла четыре часа на арендованной машине. Здание из серого силикатного кирпича выглядело точно так, как описывала Аня. Высокий забор с острыми пиками, глухие металлические ворота заднего двора.

Катя уверенно толкнула входную дверь. Дежурная на вахте, пожилая женщина в вязаной кофте, попыталась ее остановить, но журналистка с ходу включила ледяной, начальственный тон.

— Внеплановая проверка соблюдения требований пожарной безопасности в учреждениях закрытого типа, — чеканя слова, произнесла Катя, махнув перед лицом вахтерши красной корочкой. — Директора ко мне. Живо.

Через пять минут она сидела в кабинете Зинаиды Павловны. Директор, грузная женщина с поджатыми губами, нервно перебирала бумаги на столе.

— Екатерина Андреевна, у нас же плановая проверка только весной была, — заискивающе начала Зинаида Павловна. — Все предписания выполнены, огнетушители заменены...

— Поступил сигнал о незаконной перепланировке подвальных и архивных помещений, препятствующей эвакуации, — жестко перебила Катя, глядя директору прямо в глаза. — Мне нужны поэтажные планы здания за последние пять лет и журналы учета перемещения воспитанников. Мы должны понимать, сколько человек находилось в здании в ночное время в периоды предполагаемых нарушений.

— Журналы учета? Но при чем здесь пожарная безопасность? — в глазах директора мелькнула паника.

— При том, что если у вас по документам числится сто детей, а спальных мест в безопасных зонах оборудовано на восемьдесят, это уголовная статья, Зинаида Павловна. Вы отказываетесь предоставить документацию инспектору при исполнении? Я могу вызвать наряд для выемки.

Угроза сработала. Бюрократы больше всего боятся огласки и полиции. Директор тяжело поднялась со стула, звеня связкой ключей.

— Пройдемте в архив. Но журналы на руки я вам не выдам, только для ознакомления на месте.

Архив располагался на первом этаже, рядом с той самой прачечной, через окно которой когда-то сбежала Аня. Это была тесная комната без окон, заставленная металлическими стеллажами.

— Я оставляю вас, — сухо сказала директор. — У меня совещание с департаментом образования. Если что-то понадобится, звоните дежурную.

Как только тяжелая дверь закрылась, Катя бросилась к полкам. Она достала из кармана смартфон и открыла фотографию страницы из дневника Ани.

«Денис. 7 лет. 3 группа. Увели 14 ноября». «Витя. 2 группа. Увезли 14 декабря».

Она нашла толстые, прошитые суровой ниткой журналы учета движения воспитанников за нужный год. Пальцы быстро листали плотные страницы. Октябрь, ноябрь... Вот оно. Четырнадцатое ноября.

Строчка с фамилией Дениса была заполнена аккуратным почерком. В графе «Основание для выбытия» значилось: «Переведен в специализированное лечебное учреждение на основании распоряжения №45-В». Катя перелистнула на декабрь. Четырнадцатое число. Витя. Та же самая формулировка: «Переведен в специализированное лечебное учреждение». Она достала телефон и начала фотографировать каждую страницу.

В стандартной процедуре перевода ребенка из одного учреждения в другое всегда присутствует графа «Принимающая сторона», где ставится подпись ответственного лица, забравшего воспитанника, и печать учреждения. В строках Дениса, Вити и еще десятка детей, чьи даты совпадали с записями Ани, эта графа была абсолютно пустой.

Детей как будто списывали из интерната в пустоту. Документальный след обрывался на формулировке о переводе. Система находила «чистые листы», оформляла фиктивные распоряжения о переводе на лечение и передавала детей людям в черных седанах. Без подписей. Без ответственности.

Катя сделала последний кадр, убрала телефон во внутренний карман и вышла из архива. Ее трясло от сдерживаемой ярости. Теперь у нее на руках был полный пазл: от отъема квартир до исчезновения детей.

В это же время, за сотни километров от интерната, в спальном районе мегаполиса, Аня выполняла свою часть плана. Она стояла перед металлическими воротами полулегальной типографии. Морозный ветер пробирался под тонкую куртку, но девушка не чувствовала холода. Внутри нее пульсировал адреналин. Владелец типографии, Жора, молча выкатил на пандус тележку с шестью тяжелыми картонными коробками.

— Триста штук, как договаривались, — буркнул он, не глядя на нее. — Бумага дрянь, но краска держится. Забирай и уходи.

Аня перетаскала коробки в багажник старого, ржавого универсала, который она наняла вместе с молчаливым водителем-мигрантом за тройной тариф. Началась логистическая операция, которую они с Катей разрабатывали последние двое суток. Аня не собиралась раздавать книги на улице. Она знала, что дворники и полиция уничтожат тираж за пару часов. Целью были независимые книжные магазины, андеграундные кофейни, студенческие

антикафе и правозащитные центры — места, где собирались люди, привыкшие думать критически.

Машина останавливалась за квартал до нужной точки. Аня надевала маску, брала стопку из десяти-пятнадцати книг в черных обложках и шла пешком. Она заходила в книжные лавки, смешивалась с посетителями и незаметно оставляла экземпляры на полках с социологической и политической литературой. В кофейнях она клала книги на подоконники и столики для буккроссинга.

На обложке не было ни имени автора, ни названия издательства. Только одно слово, выдвинутое белым шрифтом на черном фоне: «АЛГОРИТМ».

К вечеру багажник универсала опустел. Триста физических носителей правды были внедрены в кровеносную систему города. Они лежали на полках, ждали своих читателей.

Аня расплатилась с водителем и пошла к станции метро. Она достала кнопочный телефон и отправила Кате короткое СМС: «Посев завершен». Ответ пришел через минуту: «Публикую».

Катя сидела в своей квартире, запершись на все замки. Она не поехала в редакцию. Статья, которую она написала, не могла быть опубликована на федеральном канале. Это было бы самоубийством для главного редактора и концом для всего холдинга.

Она использовала свои связи в независимой журналистской среде. Текст был передан редактору крупного расследовательского портала, серверы которого находились за пределами страны.

Статья называлась: «Экспроприаторы душ: Как борьба с сектами стала империей бизнеса и торговли людьми».

Текст был безжалостным. Катя не использовала эмоции, она била фактами. Выписки из Росреестра. Номера машин. Фотографии пустых граф в журналах интерната. Схемы перевода активов. Она указала публичные фамилии, корпоративные связи, совпадения по учредителям и адресам — все то, что можно было подтвердить документально или хотя бы передать независимой проверке. Она описала механизм дегуманизации: как людей сначала лишали человеческого облика в СМИ, называя «опухолью», а затем, когда общество

отворачивалось от них, спокойно забирали их имущество и детей. Катя нажала кнопку обновления страницы. Статья появилась на главной странице портала.

Первые несколько дней стояла оглушительная тишина. Система переваривала информацию, оценивая масштаб угрозы. Ссылки на статью начали разлетаться по социальным сетям, мессенджерам, закрытым чатам. Люди, нашедшие книги Ани в кафе и магазинах, начали выкладывать фотографии страниц в интернет, сопоставляя их с расследованием Кати. Два источника — цифровой и физический — слились воедино, подтверждая друг друга.

А затем система нанесла ответный удар. Жестокий, скоординированный и беспощадный. Аня пришла на свою смену в полуподвальную мастерскую к восьми утра. Она спустилась по бетонным ступеням, но дверь оказалась заперта изнутри.

Она постучала. За дверью слышались шаги. На пороге стояла Тамара Ильинична. Ее лицо было перекошено от страха и злобы.

— Пошла вон отсюда, — прошипела хозяйка мастерской, физически выталкивая Аню на лестницу.

— Тамара Ильинична, что случилось? У меня там вещи...

— Я сказала, пошла вон! — сорвалась на крик женщина. В ее руках дрожал смартфон с открытым новостным приложением. — Ты кого на меня навлекла, дрянь?! Ко мне час назад люди приходили. В костюмах. Сказали, что я укрываю агента экстремистской секты! Сказали, что если ты еще раз здесь появишься, они мне весь бизнес с землей сровняют, а меня по статье за пособничество пустят!

Она швырнула Ане под ноги старый рюкзак с ее сменной одеждой.

— Я не знаю, что ты там натворила, но чтобы духу твоего здесь не было! Я жить хочу!

Дверь захлопнулась с грохотом и замок щелкнул дважды. Аня медленно подняла рюкзак. Искусство мимики больше не работало. Ее вычислили. Камеры распознавания лиц, от которых она так тщательно пряталась, или биллинг ее кнопочного телефона — система нашла ее след.

Она вышла на улицу. Из открытого окна припаркованной неподалеку машины громко работал радиоприемник.

— ...беспрецедентная информационная атака на традиционные ценности и государственные институты, — вещал знакомый голос публичного эксперта антисектантской среды, Александра Дворкина. — Сегодня ночью ресурсы, финансируемые из-за рубежа, опубликовали сфабрикованные материалы. Это классическая тактика тоталитарных сект. Они пытаются дискредитировать тех, кто стоит на защите общества. Мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной. Они не остановятся перед тем, чтобы оклеветать должностных лиц. Эти так называемые «расследования» — не более чем месть сектантов за нашу успешную работу по очищению страны от деструктивного воздействия.

Машина публичной дискредитации включилась на полную мощность. Федеральные каналы, новостные агентства и лояльные блогеры словно заговорили одним языком. Статью Кати называли «информационной атакой». Саму Катю в утренних эфирах уже представляли «агентом деструктивного культа», работающим на иностранные гранты.

Аня ускорила шаг, надвигая шапку на глаза. Ей нужно было добраться до коммуналки бабы Шуры, забрать оставшиеся деньги и исчезнуть.

В это же время Катя стояла на противоположной стороне улицы от здания своей редакции. Она приехала туда, чтобы забрать жесткий диск с исходниками интервью и личные документы. Она не успела дойти до входа пятьдесят метров. С визгом тормозов к стеклянным дверям бизнес-центра подлетели три черных микроавтобуса без номеров. Из них горохом посыпались люди в полной тактической экипировке, бронежилетах и масках-балаклавах. В руках у них были укороченные автоматы.

— Работает ФСБ! Лицом в пол! — раздался усиленный мегафоном рык.

Бойцы ворвались в здание. Катя видела сквозь панорамные окна первого этажа, как охрану бизнес-центра грубо уложили на керамогранитный пол. Спустя минуту на третьем этаже, где располагалась ее редакция, начали вспыхивать стробоскопы тактических фонарей.

Она стояла за газетным киоском, вжавшись в холодный металл. Ее сердце колотилось где-то в горле. Она знала, как проходят такие обыски. Это не сбор улик. Это акция устрашения. Они будут ломать технику, изымать серверы, давить на сотрудников, требовать пароли, выносить все носители информации. Они пришли за ней. Ее телефон в кармане завибрировал. Звонил неизвестный номер. Катя сбросила вызов и немедленно вытащила сим-карту, сломав ее пополам. Она поняла, что ее личный номер уже на прослушке, а геолокация отслеживается.

Она достала второй аппарат — дешевый смартфон, купленный вчера в переходе специально для связи с Аней. На экране светилось сообщение: «Мастерскую закрыли. Меня ищут. Встречаемся на точке Б через час». Точка Б была запасным вариантом, о котором они договорились на фудкорте. Зброшенная стройка на окраине промзоны.

Катя бросила последний взгляд на окна своей редакции. Там, за стеклом, люди в масках уничтожали ее рабочее место, ее карьеру, ее прошлую жизнь. Статья ударила в самую болевую точку системы — в ее кошелек и ее безнаказанность. И система ответила так, как умела лучше всего: грубой, неприкрытой силой. Журналистка развернулась и быстро пошла в сторону метро, растворяясь в утренней толпе.

Аня добралась до своей панельной девятиэтажки. Она взлетела на пятый этаж, перепрыгивая через ступеньки. В коридоре коммуналки было тихо. Баба Шура, видимо, ушла на рынок. Девушка вбежала в свою комнату, заперла дверь. Отодвинула диван, вытащила из-под плинтуса пакет с остатками денег. Сто сорок тысяч ушли на тираж, осталось совсем немного — только на еду и дешевые билеты. Она бросила деньги в рюкзак. Внезапно с улицы донесся звук сирен. Он стремительно приближался, нарастая, заполняя собой все пространство комнаты. Аня бросилась к окну, осторожно выглянув из-за занавески.

Во двор въезжали два полицейских УАЗика и один неприметный серый седан. Машины резко затормозили прямо у ее подъезда. Из седана вышли двое мужчин в штатском. Один из них, высокий, в темном пальто, поднял голову и посмотрел прямо на окна пятого этажа. Аня отшатнулась от стекла, тяжело дыша. Они здесь. Они вычислили адрес.

Входная дверь в подъезд хлопнула. Послышался топот тяжелых ботинок по бетонным ступеням. Они поднимались быстро, не скрываясь. Бежать через дверь было невозможно. Комната превратилась в бетонную ловушку. Аня схватила рюкзак, закинула его на плечи. Она посмотрела на окно. Пятый этаж. Внизу — козырек подъезда, покрытый слоем льда, а под ним — асфальт. Шаги загрохотали на четвертом этаже.

— Квартира сорок два, направо по коридору! — скомандовал грубый голос на лестничной клетке.

Аня распахнула окно. В лицо ударил ледяной ветер. Она забралась на подоконник. Внизу, у машин, стоял водитель седана, куря сигарету. Если она прыгнет на козырек, он ее увидит. Если останется — через десять секунд дверь выбьют.

В коридоре раздался оглушительный удар. Хлипкая входная дверь коммуналки слетела с петель.

— Всем лежать! Работает спецназ! — заорали в коридоре. Послышался испуганный визг соседки из дальней комнаты.

Тяжелые шаги приблизились к двери Ани. Дернулась ручка.

— Заперто! Ломай!

Аня перекинула ноги через подоконник, цепляясь побелевшими пальцами за обледенелую раму. Она посмотрела вниз, оценивая расстояние до козырька балкона четвертого этажа.

Первый удар кувалды в ее дверь выбил кусок дерева вместе с замком. Дверь содрогнулась, но устояла на внутренней щеколде. Аня отпустила раму и шагнула в пустоту.

Глава 9. Коридор

Удар обледенелого козырька отбил ступни так, что боль мгновенной, ослепляющей вспышкой прострелила до самых колен. Аня не удержала равновесие, соскользнула по покатому скату и рухнула в жесткий, слежавшийся сугроб у стены панельной девятиэтажки. Сверху, из распахнутого окна пятого этажа, донесся оглушительный треск выбиваемой кувалдой двери, а следом — тяжелый топот и крики.

Она не стала лежать и ждать, пока кто-нибудь из оперативников выглянет наружу. Горячий адреналин выжег боль. Аня перекатилась на живот, вскочила на ноги и, пригибаясь почти до самой земли, рванула за угол дома. Снег хрустел под ботинками предательски громко. У подъезда хлопали дверцы машин, трещала рация, кто-то отдавал отрывистые команды.

Аня нырнула в узкую щель между трансформаторной будкой и ржавыми гаражами. Она бежала дворами, перелезая через низкие заборчики палисадников, проваливаясь по колено в нечищенный снег, путая следы. Ее дыхание вырывалось изо рта рваными, белыми облаками. Только оказавшись за три квартала от своей бывшей коммуналки, в лабиринте старой промышленной застройки, она позволила себе замедлить шаг и прижаться спиной к холодной кирпичной стене заброшенной котельной.

Аня достала из кармана телефон, экран телефона тускло светился в предрассветных сумерках. Одно непрочитанное сообщение от Кати: «Я на точке Б. Чисто».

Точка Б находилась на другом конце района. Это был циклопический остов недостроенного торгового центра — бетонный скелет, брошенный подрядчиком много лет назад. Место, где не было ни камер, ни охраны, ни случайных прохожих. Только ветер, гуляющий между голыми перекрытиями, и строительный мусор.

Дорога заняла сорок минут. Аня шла, избегая освещенных улиц, пряча лицо за воротником куртки. Каждый проезжающий мимо автомобиль заставлял ее внутренне сжиматься, ожидая визга тормозов и крика «Стоять!». Но город

был занят утренней рутиной: дворники скребли асфальт лопатами, прогревались двигатели машин во дворах, зажигались окна в квартирах. Никто не обращал внимания на сутулую фигуру с рюкзаком.

Катя ждала ее на втором уровне недостроя, в глубине просторного помещения, которое когда-то должно было стать кинозалом. Журналистка сидела на перевернутом пластиковом ведре из-под шпатлевки и на ней больше не было того лоска, с которым она появлялась в телевизионных эфирах. Дорогое пальто испачкано в цементной пыли, волосы растрепались, лицо осунулось и приобрело землистый оттенок. В руках она сжимала стакан с давно остывшим кофе, купленным в каком-то круглосуточном автомате.

Услышав шаги, Катя резко вскинула голову. Увидев Аню, она шумно выдохнула, и напряжение, сковывавшее ее плечи, немного отпустило.

— Ушли? — хрипло спросила журналистка.

— В окно, — коротко ответила Аня, сбрасывая рюкзак на бетонный пол. — Они вынесли дверь. Если бы я задержалась на десять секунд, сейчас бы лежала лицом в линолеум.

Катя горько усмехнулась, глядя в пустоту перед собой.

— К нам в редакцию зашли через парадный вход. Три микроавтобуса спецназа. Я видела с улицы, как они клали охрану. Они не просто пришли за документами, Аня. Они пришли сломать нас и отрезать от всех каналов связи. Мой телефон, рабочая почта, все мессенджеры — все скомпрометировано. Я успела вытащить сим-карту и сломать ее, но это вопрос времени, когда они поднимут биллинги и начнут прочесывать город по секторам.

Аня села прямо на холодный бетон, притянув колени к груди.

— У нас нет паспортов, которые можно использовать, — констатировала она непреложный факт. — У нас нет денег на нелегальные документы. Мы отрезаны.

Катя расстегнула молнию на внутреннем кармане пальто и достала обычную черную флешку. Она покрутила ее в замерзших пальцах.

— Я не просто так делала сюжеты про коррупцию, Аня. У меня были свои источники в структурах. За месяц до того, как ты нашла меня, я скачала один интересный документ. Внутренний регламент с грифом «для служебного

пользования». В документе фигурировали кодовые названия «Сова» и «Каскад»: первая система отвечала за распознавание лиц, вторая — за сверку с пограничными и розыскными базами. Насколько официальные эти названия, я не знаю. Но схема была понятна.

Журналистка подняла взгляд на подругу. В ее глазах читался профессиональный, холодный анализ ситуации, не оставляющий места для иллюзий.

— Знаешь, как это работает на практике? — продолжила Катя. — В прошлом году был случай с одним региональным активистом. Формально у него не было запрета на выезд. Но на пункте пропуска его лицо совпало с внутренней ориентировкой, и обычная проверка превратилась в задержание. Сработала система — камера, оператор и дежурная группа. И самое страшное, что человек узнал, что находится в списке, уже тогда, когда выйти из коридора контроля было невозможно.

Катя спрятала флешку обратно в карман.

— Наши лица сейчас в этой самой «красной базе». Мы ударили по их империи, по их недвижимости, по их безнаказанности. Они задействуют все ресурсы. Любой официальный пункт пропуска, любой аэропорт, любой вокзал — это мышеловка. Как только мы попадем в поле зрения камеры на терминале, нас возьмут. Нам нужен коридор, слепой, физический коридор, где нет оптики и сканеров.

Аня молчала, переваривая информацию. Этот регламент не оставляла им шансов на классический побег. Они не могли купить билеты на поезд, не могли нанять частника, чтобы тот перевез их через пропускной пункт по поддельным документам. Любая проверка биометрии означала конец.

Девушка сунула руку в карман куртки и нащупала потертый пластик старого телефона. Аппарат, который два года назад дал ей угрюмый водитель фуры на заснеженной трассе. Человек, который сказал, что зло всегда кричит с трибун, а добро проявляется в тишине.

— Есть один человек, — медленно произнесла Аня. — Он дальнобойщик. Он вывез меня тогда... из леса. Сказал звонить, если прижмет так, что дышать будет нечем.

Катя скептически подняла бровь.

— Дальнобойщик? Аня, ты понимаешь уровень угрозы? За нами охотится государственная машина. Если он нас сдаст, ему выпишут премию. Если попытается помочь и попадется — сядет лет на десять за пособничество терроризму. Зачем ему так рисковать ради случайной попутчицы?

— Потому что он помнит, как эта машина уничтожила его завод и его жизнь, — твердо ответила Аня. — Он знает, с кем мы воюем.

Она разблокировала экран и нашла в телефонной книге единственный сохраненный номер, подписанный «Дядя Миша». Палец нажал на кнопку вызова.

Гудки шли долго. Аня уже начала думать, что номер давно отключен или сменил владельца, когда в динамике раздался знакомый, рокочущий голос.

— Да.

— Дядя Миша, — голос Ани дрогнул, но она заставила себя говорить ровно. — Это... племянница. Которую укачивает.

На том конце повисла тяжелая, плотная пауза. Было слышно только шипение статических помех и отдаленный гул мощного дизельного двигателя.

— Помню, — наконец ответил водитель. Тон его был абсолютно спокойным, без малейшего удивления. — Дышать нечем?

— Совсем нечем. Нас двое. Нам нужен коридор. За пределы.

Снова пауза. Дядя Миша не задавал лишних вопросов. Он не спрашивал, что они натворили и кто за ними гонится. Старый дальнобойщик, чье лицо было изрезано морщинами, как старая дорога, умел читать между строк.

— Северная промзона. Логистический терминал «Вектор». Ангар номер четыре. Буду там на загрузке через два часа. Ищите синий тягач с белым полуприцепом. Номера тверские. И ради Бога, не светитесь на открытом пространстве.

Связь оборвалась. Аня посмотрела на Катю.

— У нас есть два часа.

Пробираться в Северную промзону пришлось на перекладных, используя старые, ржавые электрички пригородного сообщения, с разбитыми переходами, слепыми зонами и толпой рабочих, и проходя километры пешком вдоль железнодорожных путей. Это был серый, депрессивный ландшафт, состоящий из бесконечных заборов с колючей проволокой, ангаров из гофрированного железа и разбитых бетонных дорог, по которым с ревом носились большегрузы.

Терминал «Вектор» оказался огромной перевалочной базой. Девушки проскользнули на территорию через дыру в бетонном ограждении, скрытую за разросшимся кустарником. Они двигались короткими перебежками, прячась за штабелями деревянных поддонов и ржавыми остовами списанной техники.

Ангар номер четыре гудел от работы. Погрузчики сновали туда-сюда, перетаскивая тяжелые ящики. У одного из пандусов стоял синий тягач. Возле него, прислонившись к кабине и куря сигарету, стоял Дядя Миша. Он был одет в ту же потертую куртку, его густые брови были хмуро сдвинуты.

Аня и Катя вышли из тени. Водитель бросил на них быстрый, цепкий взгляд, затушил окурок о подошву ботинка и кивнул в сторону узкой щели между полуприцепом и стеной ангара.

— Быстро туда, — скомандовал он.

Когда они оказались в относительной безопасности, скрытые от глаз рабочих терминала, Дядя Миша тяжело вздохнул.

— Новости я по рации слышал. И в сети читал, пока на погрузке стоял, — он посмотрел на Аню. — Значит, та тетрадка, которую ты под курткой прятала... Вы из нее бомбу сделали. Разворошили осиное гнездо.

— Мы сделали то, что должны были, — ответила Катя, выступая вперед. — Но теперь нам нужно уйти. Вы можете нас вывезти?

Дядя Миша перевел взгляд на журналистку. Оценил ее испачканное пальто, жесткий взгляд.

— Вывезти можно кого угодно и куда угодно. Вопрос в цене ошибки. На границе сейчас шмон будет такой, что мышь не проскочит. У них ориентировки на вас уже на каждом посту висят.

— У нас нет выбора, — тихо сказала Аня. — Если мы останемся, нас найдут к вечеру.

Дальнобойщик потер небритый подбородок. Его глаза-щели сузились еще сильнее.

— Я иду на запад. Груз — промышленные генераторы. Железо тяжелое, плотное. На досмотре с таким грузом всегда возятся дольше: сплошной металл, пломбы, накладные, лишняя головная боль для всех. В этом наш единственный шанс — не потому, что техника слепая, а потому что люди устают, торопятся и иногда выбирают самый удобный вариант.

Он подошел к задним дверям полуприцепа и приоткрыл одну створку. Внутри было темно и пахло машинным маслом.

— Слушайте внимательно, повторять не буду, — голос Дяди Миши стал сухим и деловым. — Вы будете в кузове, за грузом. Тесно, холодно, темно. Ни света, ни связи, ни возможности выйти, пока я сам не открою. Ехать долго. Если начнется паника — держите друг друга и молчите. Любой звук может стоить нам свободы.

Он достал из кабины два толстых шерстяных одеяла, пластиковую канистру с водой и пустое пластиковое ведро с плотной крышкой.

— Это ваш быт на ближайшие сутки. В кузове будет холодно. Обогрева там нет. Вы замерзнете, но это лучше, чем камера. Дышать тихо. Не разговаривать. Если начнется паника или клаустрофобия — терпите. Стучать в стенку бесполезно, я не остановлюсь. Поняли?

Девушки переглянулись. Выбор между бетонной камерой следственного изолятора и ледяной нишей за генераторами был очевиден.

— Поняли, — в один голос ответили они.

— Тогда ползайте. Погрузчик уже едет.

Аня первой забралась в кузов. Она протиснулась в узкую щель у самой передней стенки. Катя последовала за ней. Пространство было крошечным. Им пришлось сесть на ледяной металлический пол, поджав колени к подбородкам. Дядя Миша передал им одеяла и воду.

— Удачи нам всем, — глухо произнес он.

Створка закрылась. Наступила абсолютная, непроницаемая темнота. Через несколько минут пол под ними содрогнулся. Раздался лязг металла, визг гидравлики погрузчика. Груз вставал на место, отрезая их от остального кузова. Они оказались замурованы за сталью, холодом и чужой решимостью. Затем взревел двигатель тягача. Вибрация передалась через пол, проникая в самые кости. Машина дернулась и медленно покатилась прочь от терминала.

Время в нише потеряло свои привычные очертания. Оно измерялось не часами, а стыками асфальта, поворотами и изменениями звука мотора. Холод наступал медленно, но неотвратно. Он пробирался сквозь подошвы ботинок, леденил пальцы, заставлял мышцы сводить болезненными судорогами. Девушки завернулись в колющие одеяла, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить хоть крупинцы тепла.

Аня закрыла глаза. Темнота вокруг ничем не отличалась от темноты под веками. Клаустрофобия, о которой предупреждал Дядя Миша, начала подкрадываться липким, удушливым страхом. Стены казались живыми, они давили, сжимались, выкачивая кислород. Чтобы не сойти с ума, Аня начала мысленно рисовать. Она представляла перед собой белый лист бумаги и выводила на нем сложные, витиеватые узоры. Листок, завиток, бутон. Механическая память рук спасала разум от паники.

Катя переносила изоляцию иначе. Ее мозг, привыкший к постоянному потоку информации, в тишине начал анализировать их положение. Она прокручивала в голове внутренний регламент. Она знала, что на пограничном пункте их ждет не просто проверка документов. Там может быть МИДК — мобильный инспекционно-досмотровый комплекс, огромная установка, просвечивающая грузовые машины. Если оператор решит отправить их фуру на сканирование, никто не даст гарантии, что груз скроет человеческое присутствие. Все зависело не от техники, а от цепочки случайностей, усталости, очереди и того, сможет ли Дядя Миша пройти контроль без лишнего внимания.

Спустя вечность, которая могла быть десятью или двадцатью часами, тональность двигателя изменилась. Фура начала сбрасывать скорость. Пневматические тормоза громко выдохнули, машина дернулась и остановилась.

Двигатель остался работать на холостых оборотах. Аня и Катя мгновенно напряглись. Они перестали дышать. Сквозь толщу металла и гул дизеля до них донеслись приглушенные звуки внешнего мира. Лай собак. Хлопанье дверей. Обрывки чужих голосов.

Они были на границе. В кабине хлопнула дверь — Дядя Миша вышел наружу.

— Здорово, Сергеич! — раздался его нарочито бодрый, громкий голос. Он говорил так, чтобы его было слышно даже в кузове. — Что за пробка сегодня? Я на весовой два часа проторчал!

— Ориентировки, Миша, ориентировки, — ответил уставший, недовольный голос таможенника. — Усиление по всем постам. Ищем двух девок. Государственные преступницы, говорят. Приказ досматривать каждую фуру с пристрастием. Давай документы.

В нише Катя до боли сжала руку Ани. Усиление. Это означало, что стандартные процедуры отменены.

— Да какие девки, Сергеич, окстись, — усмехнулся Дядя Миша. — У меня там железа на двадцать тонн. Генераторы промышленные для завода. Пломбы заводские, все по накладным.

— Пломбы пломбами, а приказ есть приказ. Открывай ворота. Кинолог с собакой пройдет, потом решим.

Лязгнул замок. Скрипнули тяжелые створки задних дверей.

— Буран, ищи! — скомандовал резкий голос.

По металлическому полу зацокали когти. Собака двигалась быстро, шумно втягивая носом воздух. Звук ее шагов приближался к передней стенке, к тому месту, где за паллетами сидели девушки. Аня зажмурилась. Сердце колотилось так громко, что ей казалось, собака услышит этот стук. Она вжалась в стенку, стараясь стать абсолютно плоской, невидимой. Когти заскребли по деревянному поддону прямо перед ними. Собака остановилась. Раздалось громкое, прерывистое сопение. Буран почуял аномалию. Собака издала низкий, утробный рык.

— Что там, Буран? — голос кинолога приблизился.

В этот момент произошло то, что Катя позже назовет не хитростью, а чистой человеческой дерзостью. Снаружи раздался резкий металлический грохот — будто что-то тяжелое сорвалось с крепления. Дядя Миша громко выругался, и его голос перекрыл рычание собаки.

— Сергеич, только этого мне не хватало! — заорал он. — У меня груз на миллионы, а эти идиоты опять крепеж не проверили! Если паллета пошла, я здесь сейчас весь пункт перекрою!

Он говорил быстро, зло, уверенно — голосом человека, который не просит снисхождения, а уже готов писать жалобы, требовать акт и втянуть всех вокруг в бесконечную бумажную войну. Собака дернулась, кинолог потянул поводок, таможенник выругался. Очередь за фурой нервно загудела клаксонами. Несколько голосов начали спорить одновременно. Пространство, еще секунду назад сжатое до одной точки — собачьего носа у палеты, — распалось на шум, суету и раздражение.

Таможенник тяжело вздохнул. Очередь на пропускном пункте сигналила, требуя движения. Дядя Миша был старым, проверенным водителем, его документы были в идеальном порядке, а груз действительно обещал долгий и неприятный досмотр.

— Ладно, черт с тобой, — сдался Сергеич. — Закрывай. Пломбу новую сейчас повешу. И чтобы я этой химии больше не чуял. Проезжай.

Створки с грохотом захлопнулись. Щелкнул замок. В нише Аня и Катя синхронно, судорожно выдохнули. Воздух был тяжелым, холодным, пах машинным маслом и металлом, но сейчас он казался им самым прекрасным воздухом на свете.

Двигатель взревел. Фура медленно тронулась с места. Они слышали, как колеса перекатываются через металлические стыки весового контроля. Как поднимается шлагбаум. Как машина набирает скорость, выходя на открытую трассу.

Они ехали еще около часа. Вибрация стала ровной, монотонной. Наконец, грузовик снова остановился. Двигатель затих. Раздался скрежет открываемых дверей. Свет фонарика ударил в узкую щель между грузом.

— Вылезайте, партизанки, — голос Дяди Миши звучал устало, но в нем слышалось явное облегчение.

Девушки с трудом протиснулись в образовавшийся проход. Их мышцы окоченели, ноги не слушались. Дядя Миша помог им спуститься на землю.

Они стояли на обочине пустой, заснеженной трассы. Вокруг расстился темный лес, но воздух здесь был другим. Он был чистым, морозным и свободным от того давящего, невидимого купола, который накрывал их последние дни.

Дядя Миша стоял у кабины, закуривая сигарету. Огонек зажигалки выхватил из темноты его изрезанное морщинами лицо.

— Дальше сами, — сказал он, выпуская струю дыма. — До ближайшего города километров двадцать. Там найдете, где отсидеться.

Катя подошла к нему. Она не стала говорить длинных речей. Она просто протянула руку и крепко пожала его грубую, испачканную мазутом ладонь.

— Спасибо. Вы спасли нам жизнь.

— Я просто подвез попутчиц, — усмехнулся дальнбойщик. — Зло громкое, девки. А мы тихонько, по обочине. Идите.

Аня стояла чуть поодаль. Она смотрела на черную ленту асфальта, уходящую обратно, за невидимую черту границы. Там, в той темноте, остались ее родители, остался интернат, остались люди в костюмах, уверенные в своей безнаказанности. Но там же осталась и книга, запущенная в общество. Механизм был сломан.

Она повернулась спиной к прошлому, поправила лямки рюкзака и шагнула вслед за Катей в холодную, неизвестную, но абсолютно свободную ночь. Снег хрустел под их ногами, и этот звук больше не казался предательским. Это был звук первых шагов по новой земле. Обернувшись в последний раз, Аня увидела, как красные габаритные огни фуры Дяди Миши медленно растворяются в снежной пелене, оставляя их наедине с будущим, которое им только предстояло построить. Никаких камер. Никаких баз данных. Только чистый, морозный воздух и дорога, ведущая прочь от системы, которая так и не смогла сделать их «чистыми листами».

Глава 10. Эффект бабочки

Соленый ветер с залива путался в узких, вымощенных брусчаткой улочках старого приморского города, забирался под навесы уличных кафе и влетал в приоткрытые окна. Одно из таких окон, высокое, с деревянными рамами, выкрашенными в выцветший голубой цвет, принадлежало небольшой студии на втором этаже каменного здания.

Аня стояла у мольберта, держа в руке мастихин. На холсте перед ней рождался пейзаж: тяжелые, свинцовые волны, бьющиеся о каменистый берег под низким небом. Она наносила масляную краску густыми, пастозными мазками, физически ощущая сопротивление холста. Запах льняного масла и пинена заполнял светлую комнату, вытесняя из памяти въедливую вонь дешевого акрила и сырости полуподвальной мастерской, которая была ее тюрьмой на протяжении двух лет.

Рядом с мольбертом, на небольшом деревянном столике, лежал прямоугольный кусок пластика. Временный вид на жительство. Документ с ее настоящей фамилией, датой рождения и фотографией, на которой она смотрела прямо в объектив, не пряча лицо за медицинской маской или надвинутой на брови шапкой. Процесс легализации в новой стране занял несколько месяцев изматывающей бюрократической рутины, собеседований в миграционной службе и проверок по линии международных правозащитных организаций. Но этот кусок пластика стоил каждого потраченного нерва. Он возвращал ей право на существование. Она больше не была призраком, вздрагивающим от вида полицейской формы. Она открыла эту студию официально, зарегистрировав индивидуальное предпринимательство, сняла светлое помещение и начала давать уроки живописи местным детям и таким же эмигрантам, как она сама.

Дверь студии скрипнула, и на пороге появилась Катя. На ней был легкий плащ нараспашку, на плече висела объемная сумка с ноутбуком, а в руках она держала два бумажных стакана с кофе. Журналистка выглядела уставшей, но в

ее глазах горел тот самый лихорадочный, острый блеск, который всегда появлялся, когда она нападала на след.

— Перерыв на кофеин, — безапелляционно заявила Катя, ставя стаканы на подоконник и опускаясь на старый велюровый диван в углу студии. — У меня новости. И на этот раз такие, от которых система не сможет просто отмахнуться дежурными пресс-релизами.

Аня отложила мастихин, вытерла руки ветошью и подошла к окну. Горячий картон стакана приятно грел ладони.

— Они снова пытаются заблокировать зеркала твоего портала? — спросила она, глядя на чайки, кружащих над черепичными крышами.

— Блокировки им больше не помогут. Джинн выпущен из бутылки, и он размножается в геометрической прогрессии, — Катя достала ноутбук, откинула крышку и быстро ввела пароль. — Государственная машина неповоротлива. Они привыкли давить одиночек, привыкли закрывать редакции и изымать серверы. Но они оказались абсолютно бессильны перед децентрализованной сетью. Смотри.

Она развернула экран к Ане. На мониторе был открыт видеохостинг. На паузе стоял ролик независимого видеоблогера Антона Журавлева — человека с аудиторией в три миллиона подписчиков, известного своими едкими, документально подтвержденными расследованиями.

Катя нажала на пробел. На экране появился Журавлев. Он стоял на фоне обшарпанного здания в промышленной зоне Новосибирска. Ветер трепал воротник его куртки. В руках блогер держал знакомый предмет — ту самую книгу, самиздат, который Аня развезла по независимым магазинам перед побегом.

«— Государственные СМИ уверяют нас, что эта книга — фальшивка, написанная западными спецслужбами, — говорил Журавлев в объектив камеры, его голос звучал насмешливо и жестко. — Они называют расследование Екатерины Волковой информационным терактом. Что ж, давайте проверим факты.

Камера дернулась, оператор пошел вслед за блогером внутрь здания. Темные коридоры, облупившаяся краска, ряды закрытых дверей. Журавлев подошел к двери с номером, указанным в регистрационных документах. Дернул ручку — заперто. Он постучал в соседнюю дверь, откуда выглянул пожилой мужчина в спецовке.

— Светлый путь? — переспросил мужчина на камеру. — Да отродясь тут таких не было. Тут склад запчастей был, потом съехали. Почту им иногда приносят, курьер забирает раз в месяц. Пустой кабинет там.

Видеоряд сменился. Теперь Журавлев сидел в своей студии, перед ним на столе были разложены распечатки кадастровых выписок и скриншоты из статьи Кати.

— Сотни семей, разрушенных по одному и тому же сценарию. Сначала в телевизоре появляются эксперты, рассказывающие об угрозе традиционным духовным ценностям. Затем приезжает спецназ и забирает этих людей. Но самое страшное не это. Самое страшное — дети.

Журавлев открыл книгу на середине.

— Автор этой книги, чье имя нам неизвестно, зафиксировала номера машин, увозивших сирот по ночам. Мы пробили эти номера. И знаете, кому принадлежит черный седан с госномером *****? Охранному предприятию “Гарант-Безопасность”. Учредитель — Смирнов Игорь Валерьевич. Член правления фонда, финансирующего борьбу с так называемыми деструктивными культами. У меня только один вопрос к Следственному комитету: куда эти люди увозили детей, не оставляя записей в журналах интернатов?»

Катя поставила видео на паузу.

— Тысячи просмотров за сутки, Аня. И это только на основном канале. Ролик перезалили в Telegram-каналы, нарезали на короткие фрагменты для социальных сетей. Люди в комментариях начали выкладывать свои истории. Родственники тех, кого посадили по вашей статье, начали объединяться в чатах, нанимать независимых адвокатов.

Аня смотрела на застывшее лицо блогера на экране. Внутри нее боролись два чувства. Огромное, всепоглощающее облегчение от того, что правда наконец-то прорвала плотину молчания, и тяжелая, тягучая горечь.

— Они ответят на это, Катя, — тихо произнесла она, отходя от окна. — Система не умеет признавать ошибки. Она умеет только защищаться.

— Ты права. И они уже начали защищаться, — журналистка открыла новую вкладку в браузере. Это был официальный сайт регионального министерства образования. — Но они защищаются так, как умеют бюрократы. Они отрубают зараженные конечности, чтобы спасти туловище.

На экране появился скан официального документа.

Аня вчиталась в каждую строчку. «В целях оптимизации структуры образовательных учреждений и повышения качества содержания воспитанников... приказываю: 1. Ликвидировать Государственное учреждение для детей-сирот... 2. Воспитанников распределить по учреждениям соседних муниципальных образований...»

Это был ее интернат. Тот самый серый кирпичный корпус с решетками на окнах первого этажа.

— Его закрыли? — Аня подняла глаза на подругу.

— Расформировали за сорок восемь часов, — кивнула Катя. — Детей вывезли на автобусах среди бела дня, под камеры местных телеканалов, чтобы показать, как государство заботится о сиротах. Здание опечатано. Но это еще не все. Смотри сводку новостей.

Она кликнула на ссылку местного новостного агентства. Заголовок гласил: «Директор детского дома помещена под домашний арест по делу о халатности». Ниже располагалась фотография Зинаиды Павловны. Грузная женщина, всегда державшаяся с надменным превосходством, теперь прятала лицо под капюшоном куртки, выходя из здания суда в сопровождении конвоя.

— Ей вменяют нецелевое расходование бюджетных средств и нарушение регламентов учета воспитанников, — пояснила Катя, отпивая остывший кофе. — Ни слова о похищениях. Ни слова о черных седанах. Официальная версия:

директор плохо вела документацию, из-за чего возникла путаница в журналах, а выделенные на ремонт деньги пропали.

Аня горько усмехнулась.

— Они сделали из нее козла отпущения.

— Именно. Это классический алгоритм выживания системы, — Катя захлопнула ноутбук. — Когда прожектор общественного внимания светит слишком ярко, они бросают толпе мелкую сошку. Зинаида Павловна получит условный срок или пару лет колонии-поселения за экономическое преступление. Интернат стерт с лица земли, архивы, скорее всего, случайно сгорят или затопятся при перевозке. Концы в воду.

— А люди в костюмах? Дворкин и остальные?

— Пока неприкасаемы, — жестко ответила журналистка. — Они слишком глубоко интегрированы в государственную идеологию. Вчера Дворкин снова выступал на ток-шоу, кричал о том, что расследование Журавлева — это оплаченная провокация западных спецслужб. Но... — Катя подняла указательный палец, — Мы не разрушили систему, но мы засунули лом в ее шестеренки.

Аня подошла к мольберту и провела пальцами по краю деревянного подрамника. Лом в шестеренках. Это было точное определение. Они не победили зло в глобальном смысле. Зло по-прежнему сидело в высоких кабинетах, носило галстуки и вещало с экранов. Но оно больше не могло действовать в абсолютной тишине.

— Пойдем пройдемся, — вдруг предложила Аня, снимая рабочий фартук, испачканный краской. — Мне нужно подышать.

Они спустились по узкой каменной лестнице и вышли на набережную. Вечернее солнце окрашивало горизонт в густые, персиковые тона. Чайки кричали над мачтами пришвартованных яхт. Люди вокруг гуляли, смеялись, пили вино на открытых террасах. Эта мирная, беззаботная жизнь казалась параллельной вселенной по сравнению с тем ледяным адом, из которого они вырвались.

Аня поняла, что их с Катей действия были формой тихого добра. Они не выходили на площади с флагами, не пытались стать политическими лидерами. Они просто сделали свою работу: одна зафиксировала правду карандашом в тетради, другая нашла доказательства в базах данных. И этот тихий, методичный труд запустил эффект бабочки, который теперь сотрясал бетонные опоры системы за тысячи километров отсюда.

Они дошли до здания центрального почтамта. Это стало их еженедельным ритуалом. Аня арендовала абонентский ящик на свое новое имя. Большую часть времени он пустовал, но сегодня сквозь узкую стеклянную прорезь виднелся белый прямоугольник. Аня достала ключ, дрожащими пальцами вставила его в замок и повернула.

Внутри лежал плотный конверт. На нем не было обратного адреса, только штемпели международной сортировочной станции и марка европейской правозащитной организации, через которую они наладили безопасный канал связи.

Аня вышла на крыльцо почтамта. Катя молча встала рядом, понимая важность момента. Девушка надорвала край конверта и вытащила сложенный вдвое тетрадный лист. Почерк был знакомым до боли. Ровные, округлые буквы, написанные синей шариковой ручкой. Почерк мамы.

Аня прислонилась спиной к теплой каменной колонне и начала читать.

«Родная моя девочка. Если ты читаешь это письмо, значит, цепочка добрых людей сработала, и весточка дошла до тебя. Я не знаю, где ты сейчас, и не хочу знать — так безопаснее для нас обеих. Главное, что ты на свободе и что ты жива.

У нас здесь происходят странные, немыслимые вещи. Последние два месяца отношение к нам резко изменилось. Раньше мы были для них просто “статьей”, безликим материалом. А теперь охранники отводят глаза, а начальство колонии общается подчеркнуто вежливо, строго по уставу. Никакого давления.

Неделю назад ко мне приехал адвокат. Не тот государственный защитник, который уговаривал нас подписать признание, а настоящий, из Москвы. Он сказал, что в обществе поднялся огромный шум из-за какой-то

статьи и книги. Что люди начали задавать вопросы о том, как фабриковались наши дела. Он сказал, что система дала задний ход.

Анюта, наш приговор отменили. Кассационная инстанция указала на существенные нарушения уголовно-процессуального закона и отменила решение. Это их формулировка. На самом деле они просто испугались огласки. Дело вернули на новое рассмотрение, а адвокат уже подал ходатайство о приобщении материалов по новым обстоятельствам. Нас с папой пока не выпускают: формально мы снова обвиняемые, и мера пресечения еще не изменена. Но адвокат говорит, что это вопрос нескольких месяцев. Они будут тянуть время, чтобы сохранить лицо, потом переквалифицируют обвинение на что-то незначительное и зачтут уже отбытый срок.

Папа держится молодцом. Ему передали в камеру очки, он теперь много читает. Мы знаем, что это твоих рук дело, дочка. Мы не знаем как, но мы чувствуем это. Ты всегда была нашим самым смелым и честным ребенком.

Не возвращайся. Строй свою жизнь там, где светло. Когда мы выйдем, мы найдем способ увидеться. Я люблю тебя. Твоя мама».

Аня опустила руку с письмом. Буквы расплывались перед глазами из-за подступивших слез. Она не плакала уже очень давно — ни когда бежала по ночному лесу, ни когда пряталась от полиции на козырьке балкона, ни когда задыхалась в ледяной темноте в кузове фуры. Страх высушил ее слезные железы. Но сейчас это были слезы не страха, а прорвавшейся, ошеломляющей надежды.

Она вспомнила тот давний спор родителей на кухне, еще до ареста. Как мама, мягкая и уступчивая во всем, что касалось быта, вдруг жестко, непререкаемо заявила отцу: «Сережа, мои дети будут переливать кровь, и точка. Жизнь — это самое ценное». Ее родители не были фанатиками, готовыми умереть за догмы. Они были живыми людьми, которые просто хотели жить по совести. И теперь у них появился шанс вернуть эту жизнь.

Катя осторожно положила руку ей на плечо.

— Что там? — тихо спросила она.

— Дело отправили на пересмотр, — голос Ани дрожал, но с каждым словом становился все тверже. — Приговор отменен. Адвокаты говорят, что их скоро выпустят.

Журналистка шумно выдохнула и прикрыла глаза. На ее лице появилась слабая, но абсолютно искренняя улыбка.

— Значит, все было не зря. Подвал, типография, обыски, побег. Мы пробили эту стену.

Они стояли на набережной чужого города, две девушки, бросившие вызов огромной, бездушной машине. Машина не рухнула в одночасье. Она продолжала скрипеть, перемалывать судьбы, выпускать в эфир экспертов, рассуждающих о духовности. Государство не сдавалось легко, оно огрызалось, прятало концы в воду, сажало стрелочников вроде Зинаиды Павловны и делало вид, что ничего не произошло.

Но трещина уже пошла по фундаменту. Алгоритм уничтожения, работавший в идеальной темноте, был вытащен на свет. И в этом свете он начал давать сбои. Дела пересматривались. Схемы рушились. Люди начинали задавать вопросы.

Аня аккуратно сложила письмо и убрала его во внутренний карман куртки, поближе к сердцу. Туда, где раньше лежала старая тетрадь с номерами машин. Тетрадь выполнила свою функцию, превратившись из дневника испуганного ребенка в оружие, изменившее реальность.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, уступив место густым южным сумеркам. На набережной зажглись желтые фонари, отражаясь в темной воде залива длинными дрожащими дорожками.

Аня посмотрела на море. Впервые за долгие годы она не чувствовала необходимости оглядываться через плечо, выискивая в толпе людей в форме или объективы камер наблюдения. Ее прошлое больше не было черной дырой, грозящей поглотить ее без остатка. Оно стало фундаментом, на котором она стояла.

Она сделала глубокий вдох, наполняя легкие чистым, соленым воздухом. Завтра утром она снова придет в свою светлую студию. Она смешает на палитре

ультрамарин и белила, возьмет кисть и продолжит писать свой пейзаж. Чистый лист, которого она так боялась в интернате, теперь принадлежал только ей. И она сама решала, какими красками заполнить свою жизнь.